

Алексей Росовецкий

Полночный квест

Повесть и рассказы

Издательство SELENA
Киев
2016

УДК 821.161.1-3
Росовецкий А.
ББК_84 (2 Рос) - 44
Росовецкий
Р75

Росовецкий, А.
Р75 Полночный квест / Алексей
Росовецкий. – К.: Издательство
SELENA, 2016. – 142 стр.

ISBN 978-966-97516-3-8

«Киевская сказка» – дебютная повесть киевского журналиста Алексея Росовецкого. Это не только история о современном святом отшельнике и чародее, которого искушает большой жестокий мир. Это еще и ностальгическое воспоминание о Киеве первых лет Независимости, когда все мы жили надеждами на большие перемены, которым не суждено было оправдаться. Сборник дополнен пятью рассказами, написанными в 2011-2015 гг.

ISBN 978-966-97516-3-8

© А. С. Росовецкий, 2016,
текст.
© Издательство SELENA, 2016.

*Светлой памяти
Клавдии Адриановны
Росовецкой*

КИЕВСКАЯ СКАЗКА

Первая глава

Вся эта довольно нелепая история приключилось давным-давно, в баснословных девяностых годах, когда мы были на двадцать лет моложе и на тысячу забытых книг умнее.

Вторая глава

Вот что пишет о городе, которого больше нет, киевский журналист Антон Палахнюк:

«Киевлянин – это внутреннее состояние обитателя провинциальной столицы, которое никак не связано с происхождением или местом рождения. Крестьяне, плотно заселившие рабочие околицы во время очередного строительного бума, который пришелся на 60-е годы XX века, так и не смогли стать киевлянами в полной мере. Даже их дети и внуки, которых горожане называют с оттенком лёгкого презрения «киевлянами в первом/втором поколении», за редкими исключениями остались обитателями обеих Борщаговок, Лесного массива или Нивок.

(Топонимы эти бесхитростно признаются нам в том, что на месте приземистых, словно деревенские хаты, хрущёвских пятиэтажек, раньше всюю колосилось, шумело ветром и пело восходу солнца.)

Но это внутреннее состояние можно и приобрести. Немало иногородних граждан СССР родились киевлянами, сами ещё не подозревая об этом – просто однажды сошли с поезда на перрон центрального ж/д вокзала, прогулялись под каштанами на Крещатике, спустились по Андреевскому на пьяненький Подол, отдохнули на ступенях набережной речного вокзала и вдруг осознали: всю жизнь, осознанно или нет, они искали на земле место, похожее на Киев, чтобы остаться навсегда.

В то же время провинциальный, сонный и неспешный, Киев издавна выдавливал за городские границы всех тех, кто родился чересчур талантливым и дерзким. Ведь и дерзость, и беспокойство таланта не слишком-то и уместны в каштановой городке, где ощущение сиесты не отпускает на протяжении всего дня. По Генри Миллеру, в Париж приезжали жить и умирать. Киев же – самое подходящее место для того, чтобы здесь появиться на свет, набраться сил от речного ветра, переспевших черешен и горячего украинского хлеба с салом, чей вкус ценят даже на обратной стороне Земли. Родиться, вырасти, понять, чего ты стоишь – и навсегда уехать.

В общем, до определенного предела жизнь, как говорится, шла своим чередом: с неизменными борщами и рабочими полднями, поездками на острова и пикниками в Пуще-Водице, драками на окраинах и чинными партиями в домино во дворах лабиринтов высотой в пять этажей.

Но не следует думать, что маленькие радости даются легко. Жизнь молодого киевлянина конца восьмидесятых – начала девяностых годов прошлого века представляла собой цепь хитроумных, зачастую весьма изобретательных комбинаций. Например, для того, чтобы на несколько часов уединиться с любимой женщиной в отдельной квартире с доступом в ванную комнату, нужно было обладать редкими книгами или модными записями.

Практически все знакомства и преимущественно все интриги разворачивались ради обладания музыкальной записью, фильмом или романом. Помимо приобщения к прекрасному, пластинки, книги и кассеты становились своего рода билетом, открывающим двери новых знакомств, а значит, очередных комбинаций.

Журналы «Иностранная литература» с «Хазарским словарем», номера, посвященные постмодернизму и литературе ужасов, первые книги Пелевина, «Тропик Рака», Кастанеда и Керуак. Репринты «Практической магии» доктора Папюса, стоившие баснословных денег и совершенно бесполезные с практической точки зрения. Пластинки английской фирмы «Leo Records» и магнитные записи Ника Кейва, Тома Уэтса и Swans. Первые фильмы Джима Джармуша и Аки Каурисмяки, снятые как будто для молодых киевлян того времени и про них – все эти экзотические имена были словно пароли, по которым отыскивались родственные души и вычислялись такие же свернутые набекрень мозги.

Всё самое лучшее, что было создано в городе ради забавы ума, а не брюха, уродилось под Киевским солнцем тогда же, на рубеже времён: десяток-другой прекрасных песен, которые будут жить вечно в памяти тех, кто их слышал, и сотня полотен художников с улицы Парижской коммуны. Но по мере того, как взростают дети и осыпаются волосы на макушке, осыпается также и пленка с нарядных кассет иностранного производства, купленных у спекулянтов на толкучке собирателей иностранных пластинок. (Их раскладывали прямо на рельсах в отстойнике поездов за парком на Уманской улице.) Тают в памяти сюжеты полотен, блекнут краски, выцветая до оттенка небытия, как будто бы карточка в крошечной фотолаборатории бородатого гения со смешным псевдонимом-обрубком фамилии проявляется, но только наоборот – стало быть, отъявляется?

Остались лишь зыбкие воспоминания, как ощущение дежа-вю, словно отблеск полузабытого сна в полуденном свете – о том, что однажды в городе на Днепре размыслились не только границы пространства, когда исторический центр заполонили иностранные туристы, а в подвалах домов репетировали группы, которые играючи собрали бы полный зал в каком-нибудь «CBGB».

Размылись границы самого времени, и Киев внезапно стал центром Вселенной, где происходили самые важные вещи на свете.

И чем меньше остается материальных свидетельств этого фейерверка творчества и безграничного счастья свободы, тем ценнее крупинцы воспоминаний всех тех, кто успел оказаться в нужное время, на нужном перекрестке улиц, вдохнуть эфирный воздух, расправить плечи и рассмеяться.

А когда волшебный фонтан иссяк, в наступившем похмелье невозможно было осознать, то ли всех нас осенило божественное присутствие – или это был обычный трип, незабываемый просто в силу своих химических качеств? Город сонно вздохнул, потянулся, между делом смахнув с тучного тысячелетнего тела несколько памятников архитектуры, перевернулся на другой бок и снова крепко заснул, как ни в чём не бывало. Будто и не просыпался. Словно вокруг всё по-прежнему, при доброй памяти Владимире Васильевиче.

И после того, как Киев перестал быть самым важным городом мира и в который раз сгинул после очередного строительного бума, чтобы воскреснуть в качестве провинциального мегамаркета, совсем не вдруг оказалось, что вокруг не осталось никого, кроме перепуганных обывателей и нахрапистых жлобов, отъевшихся спекулянтов и бандитов. А все те деятельные, талантливые и беспокойные люди, которых Киев вскормил молоком Днепра и обласкал ветрами вечной весны, город сам же, по старой привычке, выдавил за городские пределы. Оттого так вздрагивают и настороженно вглядываются в глаза друг другу два бывших киевлянина (которые, как известно, бывшими не бывают) посреди Аптон-парка или в вагоне Нью-Йоркской подземки: уж не призрак ли передо мной стоит?

Но почему это произошло? Куда смотрели ангелы-хранители города? Неужели они тоже превратились в спекулянтов или бандитов, польстились на шальные деньги, поддержанную иномарку и женщин земных? Стали падшими ангелами и навсегда отвернулись от Киева?»

И вот в этом странном и прекрасном городе на реке родился, жил и сгинул человек по имени Пётр, современный святой.

Третья глава

Маленький человек, проснувшийся в холостяцкой квартире, выглядел моложе своих лет, его можно было принять за уродливого подростка: над тонко прочерченными чертами лица нависал выпуклый, непропорционально большой лоб. Женщина по имени Иванна когда-то научила его отрастить челку и зачесывать на лоб, чтобы скрыть уродство, но последние несколько лет он упорно обрезаł волосы ножницами над самым лбом, что делало его похожим на создание Франкенштейна из старинных, чёрно-белых ещё фильмов ужасов.

Он проснулся одетым – привычное дело, нередко засыпал за чтением или работой. Дорогой, но плохо сидящий костюм был безнадежно помят, как будто его носили, не снимая, много недель. Вполне возможно, так и было.

Проснувшись, Пётр протянул руку и поднял упавший на пол журнал с белой обложкой, на которой бросались в глаза большие буквы «Х» и «Ж» и цифры «1995». Карандаш, которым Пётр делал пометки, закатился под диван, так что пришлось всё же подняться и поискать. Затем он нащупал, не глядя, кнопки большого музыкального центра, и по комнате удушливо поплыли волны оперной музыки. Когда мужской голос запел по-итальянски, его надрывные рулады перечеркнул дверной звонок.

Пётр нахмурил лоб Франкенштейна, припоминая. Карманный календарик далеко не сразу отыскался среди исписанных блокнотов, раскрытых книг, каких-то причудливых таблиц и графиков, которыми был

завален, словно осенними листьями, большой рабочий стол у двери на балкон и широкого окна без занавеси. Календарик досадно напомнил, что наступило 5 сентября, а значит, Пётр совсем забыл о том, что сегодня его ожидал долгий рабочий день в лаборатории. Оборудованная по последнему слову науки и техники в подвале загородного дома, напоминавшего скорее крепость, чем убогую киевскую дачку, лаборатория принадлежала авторитетному человеку Игорю Борисовичу.

Пётр сам выбирал время для работы, долго вычисляя нужные дни с помощью калькулятора и каких-то таблиц. Наступил как раз такой день, и его нельзя было пропустить.

Дверной звонок снова протарахтел. Пётр протянул онемевшую руку (забыл снять накануне часы, стрелки показывали начало одиннадцатого утра), и включил телевизор, напоминавший игрушку – во многих семьях держали такие в кухне, на алтаре холодильника, а летом увозили с собой на дачи. Телевизорчик был подключен к камере, замаскированной в дерматиновой обивке двери. На мутном черно-белом экранчике переминался с ноги на ногу наголо бритый мужчина уголовного вида, что подчеркивалось одеждой: кожаным бушлатом на широких плечах, под таким удобно прятать оружие, и мятыми слаксами. Пётр бросил календарик обратно на стол и пошел отпирать массивные железные двери. Иногда он думал с ухмылкой о том, что сам себя прячет по вечерам в сейф, как некую драгоценность.

Мужчину за дверью звали Володей. На его лице навсегда застыло выражение утрумой сосредоточенности, как будто самый главный на свете раздатчик удовольствий и благ всё время не докладывал в его тарелку.

(А Володя каждый раз подсчитывал и старался навсегда запомнить, сколько именно.)

Он молча переступил порог и ощупал комнату и кухню глубоко вдавленными в бритый череп глазами. Не здороваясь тоже, Пётр оглянулся через левое плечо на письменный стол и взял куртку, которая лежала рядом, на стуле.

– Возьми ещё шмотья, – остановил его Володя. – Надо пересидеть неделю. Здесь опасно. Сам знаешь, что в городе.

К сожалению, это было правдой. Авторитетный человек Игорь Борисович воевал с другими киевскими князьками: на днях в «Киевских ведомостях» писали о том, что одного из его солдат застрелили прямо в ресторане «Козаченьки», что на улице Сагайдачного.

(Бесполезную по сути дела газету Пётр пролистывал в уборной, читая только заголовки статей. Эти знания ничего не прибавляли к его картине мира, просто жаль было потерянного времени, а ещё казалось забавным обзаводиться новыми привычками.)

Выбора, на самом деле, не было, этот момент наступил бы рано или поздно. Позавчерашняя встреча с учителем, прямо под Оперным театром, куда Пётр ездил на премьерный спектакль нового сезона, теперь показалась ему не случайной. Пётр оглядел комнату, спрашивая себя, суждено ли вернуться обратно. Он не питал никаких иллюзий относительно мира, в который ему пришлось окунуться, словно в нечистую воду, и по поводу людей, населявших этот мир – они жили по собственным правилам и законам. Иногда Пётр думал о том, когда именно и как это произойдет, но не предполагал, что настолько буднично. Было немного жаль: он так и не успел обжить эту комнату. Не о чем вспоминать и не с чем прощаться.

– Подожди на кухне, пока я соберусь.

– Ладно, – буркнул Володя и вышел, хотя выходить не хотел.

Все имущество Петра помещалось в большой спортивной сумке, на дне которой валялись тугие пачки зеленых купюр, гонорар за последнюю работу. Сложив в стопку блокноты, лежащие на столе (в них не было ничего важного), поискал в ящиках и нашёл едва начатый конспект – судя по записи на титульном листе, когда-то тетрадь принадлежал студентке третьего курса кафедры химического машиностроения Киевского политехнического института Иванне К. Не глядя бросил на дно сумки, сверху положил таблицы в больших переплетах с истрепанными корешками.

– Ты ещё долго? – проскрипел Володя из кухни. – Сегодня очень много работы. Игорь Борисович хочет 10 килограмм.

– Да, много работы, – пробормотал Пётр и крикнул: Сейчас!

К тетрадям и книгам добавил свитер и несколько футболок, подумав секунду-другую, отобрал с полки четыре или пять коробок с компакт-дисками, закрыл сумку и вышел на кухню, не оглядываясь. На табурете у кухонного стола сидел Володя и хмуро следил за Петром.

– Поехали, – сказал Пётр.

Володя сунул руку под бушлат, прошелестел к двери, замер на какое-то время у глазка, затем неслышно выскользнул на лестничную клетку.

(О камерах наблюдения он не знал, а Пётр ему не рассказывал.)

В отличие от Володи, Пётр не боялся: всё самое страшное в его жизни уже произошло. Не торопясь запер двери, спустился во двор дома и спокойно подошел к темно-зеленому «БМВ», где мрачнее обычного уже ждал на водительском месте Володя. Сдерживая себя, только пальцы барабанили по рулевому колесу, он следил в зеркальце заднего обзора, как Пётр медленно ставил сумку на заднее сидение и также медленно, будто нарочно, садился в машину.

Ехать было недалеко: они выкатились на проспект Победы, пустой, как дорожка боулинг-клуба в парке возле станции метро «Нивки», а уже через десять минут, сделав круг по Интернациональной площади, ехали вдоль ограды Берковецкого кладбища. Потом у дороги замелькали домики дачных кооперативов, приземистые и тёмные, как деревенские сортиры, а за дачными участками лицом в землю лежали кукурузные поля, залитые прохладным осенним солнцем.

Перед поворотом на Окружную дорогу, прямо на автобусной остановке, где вечно кучковались дачники с сумками на колесиках, названными в честь президента Украины, стоял продуктовый киоск – похожий скорее на танк, врытый в землю для обороны дачного товарищества.

– Останови возле киоска, – попросил Пётр.

Володя посмотрел недобро, но все же затормозил. Он слушался только двух людей. Игоря Борисовича, которого боялся по-настоящему и преклонялся, хотя и не знал такого слова, перед его умом и хитростью – и, как ни парадоксально, этого мальчика, которого мог бы изломать одной левой рукой. Однажды Володя посмотрел ему в глаза и с тех пор этого не делал. Таким взглядом, разрезающим огонь и камень, на него однажды смотрели люди, которых Володя предпочел бы забыть, да только

не получалось. Сколько он ни думал об этом, все никак не понимал, почему Пётр не боится: ни его, ни Игоря Борисовича, ни пса-людоеда, который охранял дачу, хотя все их боялись. Ведь так было неправильно, на страхе держался мир.

– Я пройдусь, – бросил Пётр в открытое окошко машины, откусил от стаканчика с пломбиром и пошел вперед по дачной дороге.

Володя поехал следом.

Тропинка привела к дачному участку номер 78, огороженному высокой кирпичной стеной. Пётр посмотрел на цифры и засмеялся от неожиданности: надо же, сколько раз проезжал сквозь эти ворота, и не замечал. Калитка распахнулась, Пётр прошел мимо охранника с ружьем, который удивленно посмотрел на его смеющееся лицо, остановился посреди двора и закрыл глаза. Огромный мохнатый пёс привычно лёг у ног. Дачный сезон закончился, только лениво перекрикивались вороны да со стороны Окружной доносилось гудение автомашин. Петру казалось, что он различает шёпот каждого осеннего листа.

Хлопнули ворота гаража, Пётр открыл глаза и пошел к дому. Он сразу же спустился в подвальную лабораторию, включил обогреватель, затем музыкальный центр и, не снимая куртки, принялся выкладывать на рабочий стол посуду и реактивы. Работы было в самом деле много – шутка ли, десять килограмм.

Четвертая глава

Как и тем поздним осенним утром 5 сентября, однажды (как теперь могло показаться, давным-давно, долгие жизни назад) он уже проснулся в своей комнате, и утро пробуждения тоже было особенным. Вот только комнатка была другой. В её стенах Пётр впервые осознал, что теперь остался один в этом городе – родном и гостеприимном Киеве, ставшем слишком большим для него одного.

Комнатка, в которой Пётр проснулся от лязга замков, находилась в коммунальной квартире на Большой Житомирской улице, вторая дверь от входной, традиционно обитой черным дерматином. Когда проснулся, вспомнил, что мимо его комнаты постоянно стучали подошвами соседи по квартире и гости соседей, и это воспоминание вселяло надежды. Пётр подумал о том, что день будет хорошим: голова ясная, мысли быстрые и светлые. Едва ли не впервые боль отступила, спрятала, пускай до поры до времени, все свои злобные сверла, которыми вгрызалась в мозг последние полгода после того, как Пётр вышел из больницы.

Прошлой осенью в Крыму их «Москвич» внезапно атаковал прямо в лоб грузовик, перевозивший булочки со смешным названием «Малытко» – точно такие же мама всегда покупала к завтраку в хлебном отделе гастронома на пересечении Львовской площади и Большой Житомирской улицы. Тогда, на крымской дороге, хлеб впитал в себя кровь пополам с душной пылью степей, и теперь стал главным кошмаром его мигреней. Но если боль отступила, значит, наконец-то можно просто жить,

а не судорожно переползать от одного болевого спазма к другому. Можно наслаждаться простыми, но ранее недоступными вещами – например, слушать пластинки или играть с соседом в шахматы. Не получалось пока что только одного: вспоминать.

Ещё в симферопольской больнице Петру рассказали об аварии, в которой разбились его родители, но как не напрягал он мускулы своей памяти, все воспоминания о прошлой жизни, в которой были мама и папа, оборачивались нелепыми, переставленными с ног на голову образами.

(Как будто кто-то порезал забавы ради семейный альбом бритвой, а затем склеил в случайном порядке получившиеся лоскуты.)

Точнее, – а Пётр всегда старался быть точным, даже не образами, а блеклым отражением этих образов. Так иногда посреди рабочего дня на поверхность сознания может всплыть обмылок забытого сновидения. Но эти образы ничего не значили для Петра, он как будто окунулся в глубокое Черное море рядом с тем самым шоссе, а вынырнул на поверхность уже в своей комнате.

Ему казалось, что раньше в ней было больше вещей, или сама комната была больше, но это всё, что он помнил о своём доме. В остальном Пётр принял новую жизнь без претензий и нареканий, как и следует рожденному заново: вот твоё жильё, вот твой город, живи.

И Пётр начал новую жизнь.

Он попросил опекуницу, соседку Валентину Григорьевну, с чьим мужем он играл в шахматы, перевести его в другую школу. Всё равно он не помнил своих одноклассников и учителей и не узнавал их. В новой школе, втиснутой между Лукьяновским рынком и

кинотеатром «Киевская Русь», Пётр так и не сошелся ни с кем из новых товарищей либо учителей, выдерживая вежливую дистанцию. Учился хорошо, показывая ровные результаты по всем предметам как будто для того, чтобы его оставили в покое, но со временем стал больше времени проводить в кабинетах физики и химии. Как-то само получилось так, что учителя поручали Петру помогать на практических работах: всё равно некому было разносить пробирки и включать слайды после того, как тихо и быстро похоронили бывшую биологичку, которая после выхода пенсию осталась работать при школе лаборантом на полставки.

Тогда же обнаружилось, что Пётр умеет творить чудеса. Как это часто бывает, открылось случайно.

У преподавателя химии Семёна Петровича, неряшливого мужчины с огромными, подкрученными кверху усами, перегорела лампочка в настольной лампе на учительском столе. Это событие произвело на него самое гнетущее впечатление: в киевских магазинах не продавались лампочки, как и многие другие, такие необходимые в быту вещи – к примеру, мыло или носки. Весь урок учитель косился на погасшую лампу с выражением досады на плохо выбритом лице, Пётр это заметил и задержался в химическом классе после урока. Он дождался, пока Семён Пётрович ушёл по своим делам в подсобку класса, куда после уроков убирали наглядные пособия, посуду, киноаппарат с вечно заедающей плёнкой и многое другое, взял лампочку в руки и подержал в ладонях. Потом аккуратно ввинтил её обратно в патрон плафона, тронул кончиком пальца выключатель...

И лампочка на мгновение ожила. Мигнула несколько раз, а потом светила без остановки.

– Как ты это сделал? – Пётр не заметил, что Семён Петрович всё это время стоял за его спиной, кончики учительских усов вытянулись от изумления.

Но Пётр и сам не знал. Он мысленно обругал себя за то, что не сдержался.

– Там просто нить накала отошла, – голос у него был глуховатый, как у всех, кто привык открывать рот редко и ненадолго. – А потом встала на место. Вы просто не заметили.

Семён Петрович поверил, и не поверил, но стех пор внимательно следил за странным, очевидно одарённым учеником. Пётр выглядел младше своих выпускных лет, но держал себя с такой холодной вежливостью, что Семён Петрович иногда терялся и не мог понять, как правильно себя вести. Присев на лабораторный стол, выложенный белой плиткой, учитель жевал пустой мундштук и следил за тем, как Пётр разносит ученикам инструменты и лабораторную посуду, отмечая одну особенность мальчика, которая одновременно и пугала, и восхищала: к чему бы не прикасались руки Петра, все получалось будто само собой.

Пётр настолько естественно нёс бремя вечного безденежья, что окружающим казалось: убогий быт попросту не попадает в поле его зрения, особенного своим углом, не как у всех людей. Пётр донашивал свитера своего отца и рубашки мужа Валентины Григорьевны, подклеивал ботинки клеем «Момент», выучился штопать носки и подрубливать расползающиеся манжеты. Сдержанно благодарил соседей, если они угощали его обедом и старался не думать о голоде, когда соседям приходилось обходиться без обеда самим. К счастью, после того, как Пётр – опять же, случайно – обнаружил в себе способности лечить мигрени наложением рук, он избавил

от мучительных болей Валентину Григорьевну. Теперь её сын регулярно привозил Петру мешки с крупным, мозолистым картофелем, и на столе всегда была еда.

Ответы на свои вопросы Пётр искал в книгах, но почему-то не находил. Точнее говоря, находил не совсем в тех книгах, на чью мудрую помощь рассчитывал. Приучив себя опираться в понимании окружающего мира на тот простой факт, что этот мир легко можно измерить, посчитать и объяснить понятными формулами, Пётр больно ушибся лбом о неудобный факт: волшебство его рук грубо разрушает целостность картины окружающего мира.

(До этого, казалось бы, столь понятного и простого.)

Между тем, внутри всё происходило до предела понятно и просто. Пётр спрашивал себя: что я могу сделать, чтобы эта лампочка снова горела? Как помочь Валентине Григорьевне, чтобы она не мучилась мигренью? И ответ сам возникал в голове, будто бы ниоткуда, а руки делали. Но вот сколько бы Пётр не думал о новых ботинках, не протекающих в снегопады и ливни, или о тёплой пуховой куртке, решение не приходило. Руки не знали, что делать.

Однажды опекунша, которой тоже не давал покоя дар Петра лечить её мигрени, посоветовала прочитать Библию. Несколько вечеров Пётр перелистывал тоненькие страницы рисовой бумаги, преодолевая разочарование и скуку. С детства равнодушный ко всему, что называется искусством и литературой, Пётр понимал и любил только оперу. Библия показалась ему очередным романом, только ещё более надуманным и скучным, чем прочитанные прежде романы, где люди поступают и говорят совсем не так и не теми словами, как в повседневной жизни. Но несколько полезных для себя абзацев, которые он нашёл в Библии, дали ему важный совет: никому и никогда он

не должен говорить ни о лампочках, ни о мигренях, ни об огне, который горел вокруг него ровным пламенем, как будто из газовой конфорки на коммунальной кухне. Этот ровный круг воображаемого огня становился больше или меньше в зависимости от окружающей опасности, и никто не мог заступиться за него, чтобы прикоснуться к Петру.

Поэтому никто не мог причинить ему зла.

(Пётр напряженно всматривался в темный глухой занавес, который отделял от него пробуждение в своей комнате от всей остальной жизни, чтобы разглядеть там этот ровный круг огня, но не мог. Означало ли это, что полученный дар был компенсацией за смерть родителей? Пётр надеялся, что нет.)

В действительности, которая день ото дня становилась всё тревожнее, дар оказался очень ценным. В то время, когда на центральных улицах такого, казалось бы, безопасного Киева, прохожего могли ограбить, избить или даже убить, Пётр спокойно проходил по самым неудобным закоулкам города. Погруженный в свои мысли, одинаково не замечая ни опасностей, ни красот, блекнувших перед шахматной задачей, вычитанной накануне, либо расчерченным гороскопом, где точка Асцендента была явно неверно просчитанной, Пётр не знал, каково это – испытывать страх.

Если Библия отказывала ему в ответах, то репринтные, самодельно переплетённые книжечки дарили радость понимания и даже узнавания. Пётр как будто давно уже знал, да вот забыл, о том, что согласно Элифасу Леви, каждая буква иврита соответствует определенному аркану из колоды карт Таро. Когда-то он знал об этом настолько хорошо, что и теперь понимал: «Шут» не может быть картой, лишённой нумерации, как утверждал унылый английский пьяница Артур Уэйт. И уж

точно не должен занимать в стройном и строгом порядке колоды парадоксальное место перед арканом по имени «Маг», ни в коем случае: «Шут» шагает в свое никуда строго между арканами «Страшный суд» и «Мир». А это означает, что число его – триста, а буква древнего волшебного языка, соответственно, «Шин».

Петра это забавляло в свободное от учебы время примерно так же, как тогдашнего киевского обывателя развлекало чтение детектива по вечерам, а его супругу – мексиканский телесериал.

Листая Авессалома Подводного и Павла Глобу, Пётр схватывал на лету, почему люди ведут себя в определённых ситуациях только так, как им положено согласно дате, часу и месту рождения, и не смогут вести себя иначе. Это понимание давало огромные преимущества в общении с другими – общении вынужденном, во многом навязанным Петру условностями сосуществования в коммунальной квартире и школьном классе, но которого, как он не старался, пока ещё не мог избежать. Теперь же, ненавязчиво выведав тайну времени и места рождения у всех тех, чьего общества он не мог (или же сам не желал) избежать, Пётр ловко выстраивал законы и правила этого общения, будто настраивал по шкале радиоприемника необходимую волну. При этом все те люди, чьими чувствами и поступками он, по сути, манипулировал, считали его добрым, тактичным, лёгким в общении человеком. И, наверное, слишком застенчивым, потому и держит себя так холодно и отстранённо.

(Только один человек на свете не позволил ему составить свой гороскоп – разумеется, Иванна.)

Поступление в институт мало что изменило в его жизни. Пётр так же много ходил пешком, усердно занимался, читал чернокнижников, слушал пластинки с

записями опер и жил в беспросветной бедности. Получая повышенную стипендию отличника, почти всю её спускал на книги, а добывал их на букинистических развалах, протянувшихся вдоль железнодорожных путей от станции метро «Петровка» до остановки электрички «Зенит». Когда заканчивались купоно-карбованцы, похожие на выцветшие от долгого хранения конфетные обёртки, Пётр отправлялся на вещевой рынок рядом с Республиканским стадионом, где продавал вещи, оставшиеся от родителей.

Таким его Иванна и запомнила: похожий на подростка, несмотря на свои восемнадцать с тремя четвертями лет, с большим лбом, невозмутимый, Пётр сидел на скамейке в парке КПИ и читал книгу, а на его плече, как будто не было для этого более удобного и будничного места, замерла ворона. Ветерок шевелил иссиня-черные перья, теребил кончики страниц. Пораженная этой картиной, Иванна замерла на парковой дорожке – ей казалось, что птица тоже читала, близоруко и внимательно опустив к строчкам клюв.

Круг огня горел спокойным ровным светом, до следующей пары оставалось ещё полчаса, предчувствия и голоса молчали о том, что сейчас его жизнь переменится самым решительным образом, когда ворона внезапно мягко оттолкнулась от плеча и взлетела на ветку. Пётр опустил книгу и увидел, что перед ним стоит маленькая, вровень ему ростом, молодая женщина с тяжёлым взглядом и смешной причёской, как у французской певицы.

Петра как будто ослепила изнутри вспышка яркого света: французская певица! В молочной лужице слепоты, что разлилась на месте вспышки, будто хозяйка опрокинула чашку, проявились, словно на фотографии, экран телевизора, песня на французском языке, ёлка и подарки под ёлкой, молодые красивые родители и гости

за столом, которые смеялись отцовским шуткам. Это было в комнате Петра, но в другое время, в другом мире и, что самое важное, это было воспоминание – мгновенное, внезапное и болезненное, как удар в лицо. Удар, который Пётр никогда раньше не получал.

«Куда же делись все эти друзья отца, сидящие за столом, после того, как я остался один?» – спросил он себя, но не успел обдумать ответ.

Ведь воспоминание стало не единственным потрясением. Молодая женщина со смешной прической стояла внутри огненного круга, Пётр чувствовал ее дыхание на своем лице, а пахло от молодой женщины хорошим табаком, духами, головокружением и неизвестностью. Она прошла сквозь кольца огня без сомнений и малейшего труда, отчего пламя возмущённо гудело. Пётр растерялся, она засмеялась, и теперь до него наконец-то дошло, что отныне всё в его жизни навсегда переменялось – и сам он, и всё вокруг никогда не будет прежним.

Так, собственно, и получилось.

Пятая глава

Несмотря на то, что Иванна родилась, как сказала бы её бабушка, с золотой ложкой во рту (точнее будет написать, с платиновой), она самым парадоксальным образом предпочитала одеваться на барахолках, выискивая на центральной толкучке, захлестнувшей петлёй здание Сенного рынка, платья и джинсы, которыми легко могла бы разжиться в Париже или Берлине, причем новёхонькими.

В пяти метрах, стараясь не улыбаться кривой ухмылкой, следовал водитель, приставленный отцом. От охраны Иванна отказаться не могла, это была единственная уступка требованиям семьи, да и машиной передвигаться по городу существенно удобнее, нежели скрипучим киевским троллейбусом. Но все же она просила высадить её либо возле зоопарка, либо через дорогу от станции метро «Политех»: ей не хотелось, чтобы институтские преподаватели и друзья видели, как она выходит из дорогой иномарки с водителем. Охраннику не оставалось иного выбора, кроме как запереть «Мерседес» и идти следом через подземный переход и парк.

Мать Иванны считала, что нежелание общаться с людьми из круга знакомств семьи и предпочтение, отданное сомнительной (на её взгляд) компании богемных оборванцев, что все эти обноски, дикарские украшения, скрипучая музыка и прочие чудачества – например, вместо стрижки у парикмахера Иванна сама обрезала волосы, стоя перед зеркалом в ванной комнате – всё это ничто иное, как желание досадить ей, матери. Более умный отец полагал, что Иванна не желает выделяться

среди сверстников, ведь семьи многих из них практически бедствовали, так что отцу весьма импонировало желание Иванны держать себя скромно, но не настолько же. По-своему неправы были оба родителя, хотя Иванна, характером удавшаяся в отца, легко предугадывала логику отцовских мыслей, в то время как взаимопонимание с матерью не сложилось очень давно и как-то сразу.

Иванна прекрасно понимала, что ей не по силам изменить правила, согласно которым живет семья К. Мало того, что это невозможно, ещё и лишено всякого смысла, поскольку эти правила являлись единственной разумной и незыблемой опорой посреди окружавшего её мира, который изначально был устроен неправильно и абсурдно. Когда наступит время, Иванна без пререканий примет правила семьи как свод законов своей жизни, чтобы больше никогда от них не отступать. Но пока этот момент не настал, ей хотелось проживать свои дни только так, как она полагала интересным на данный момент. А здесь и сейчас не было ничего интереснее концертов рок-музыки и сквотов, где жили, работали и выставлялись художники, о которых вскоре узнает и Америка, и Европа. Но в этом мирке точно также действовали свои правила, и точно также приходилось им следовать.

На утро, следующее за встречей в парке Политехнического института, Иванна поднялась через чердачный ход на крышу самой высокой высотки по улице Янгеля. Отсюда подробно просматривался муравейник институтского городка между проспектом Победы и сдвоенной стрелой скоростного трамвая и железнодорожных путей. Иванна примостилась на тёплую крышу и закурила длинную коричневую сигарету с запахом зубной пасты. Покуривая короткими затяжками, смотрела на потоки студентов, перетекавшие ртутью из одного корпуса в другой корпус. Это была её любимая игра: Иванна стремилась угадать, где в этом потоке движутся знакомые ей люди, и часто угадывала. Оставалось только проверить.

Теперь Иванна сама двигалась в потоке студентов, маленькая и гибкая, с большой сумкой на плече. Её окликали знакомые, она отвечала кивком и лёгкой улыбкой, которая так странно сочеталась с неприятным взглядом, создавая ауру магнетического, почти змеиного обаяния.

Той теплой осенью новый курс только начался, и так приятно было лежать в душистой траве, с конспектом в руках и бутылкой вина в рюкзаке, вот только то здесь, то там пытались играть на гитаре и не очень умело петь, но если выпить немного вина, неумелые песни начинали казаться по-своему даже забавными. Иванна не останавливалась, только один раз ненадолго присоединилась к компании, развалившейся на газоне за седьмым корпусом, опустилась на корточки и перебросилась несколькими словами с длинноволосым красавцем. Её неподвижные глаза теперь едко смеялись, она взяла из рук длинноволосого вино, сделала долгий глоток, помахала рукой и ушла с бутылкой в руке. Уязвленный красавец теперь ей был не интересен.

Пётр действительно оказался в столовой, за столиком в дальнем углу: наморщив большой лоб, читал какую-то книгу, обернутую в бумагу.

(На страницах книги Иванна заметила какие-то графики и схемы, очень похожие на те, что раньше уже встречались ей на обложках пластинок в стиле хэви-метал.)

Усевшись напротив, поставила на стол бутылку вина и достала из сумки бутерброды.

– Я выиграла.

Пётр убрал книгу в потрепанный рюкзачок. Не без удовольствия Иванна отметила, как на его лице проступила досада, но Пётр тотчас же стер её, как

ластиком, снова нацепив свою маску бесстрастности. Вот только взгляд несколько дольше задержался на пакете с едой.

– И что именно я проиграл? Напомни.

Иванна усмехнулась, развернула пакет и подвинула ближе.

– Ешь, я не хочу. Вино будешь?

Пётр покачал головой: он никогда ещё не пил вина и не собирался.

– Как мы вчера договаривались. Если я выигрываю, мы пойдем на концерт.

– В оперный? – улыбнулся Пётр.

Иванна тоже улынулась, но не выдержала и рассмеялась, показав ему все свои ровные, белые зубы. От этого бесстыдного белозубого смеха Пётр сперва почему-то покраснел, а потом тоже рассмеялся.

Шестая глава

Вечер уже занавесил высокие окна сумерками, когда они дожидались своей очереди купить билеты – точнее, какие-то корешки трамвайных талончиков, которые исполняли роль билетов. Их продавали прямо в дверях на второй этаж, за конторским столом, перегораживающим вход любителям рок-н-ролла на дармовщинку. Очередь за билетиками растянулась по всей длине лестницы дома культуры на Оболони, где окопался какой-то авангардный театр и где регулярно проводились рок-концерты. Пётр с интересом вертел головой, рассматривая колоритных тусовщиков, он подумал, что этим вечером здесь собрались все чудаки, уродцы и сумасшедшие города Киева.

(Так оно, собственно, и было.)

Иванна сердилась, потому что Пётр постоянно пропускал их очередь подняться ступенькой выше, шагом ближе навстречу музыкантам, уже всю разминавшимся наверху: они постукивали в барабан, как бы испытывая кожу на прочность, насколько сильно получится в него ударить, и глуховато позванивали струнами электрогитар. Все время кто-то протискивался на одну ступеньку вперед вместо Иванны и Петра, поэтому, когда в очереди образовывался малейший просвет, она брала Петра за плечи и мягко толкала вперед, не прекращая при этом перебрасываться мячиками слов со всеми знакомыми одновременно.

«Неужели с ним всегда так придётся?» – спросила себя.

Петру казалось, что Иванна знает всех, кто стоял на ступенях или просачивался сквозь очередь вверх и вниз по лестнице, и уже ко второму пролету у него кружилась голова от имен и от лиц. Вот кареглазый человек, с длинными волосами, при бороде и в шляпе, твердое уверенное рукопожатие – Гена, он художник и организатор концертов... Познакомьтесь... А это Сережа... Кто? Ты не слышал «Работу Хо»? Да ладно... Сережа, представляешь, он никогда не слышал «Работу Хо», впрочем, Сережу этим не смутить, он широко улыбается... Или это уже не Сережа? Да, теперь перед ними другой человек, в круглых очках и в глухом беретике, несмотря на жару. Из нагрудного кармана пиджака торчит куриная кость, человечек наклонился и дышит в лицо странным запахом перегорелых семечек.

– Представьте себе книгу в черном переплете, – дыхнул человек в беретике и с костью. – На обложке золотыми буквами вытеснено «Иванна К». И в этой книге описана вся ваша биография, начиная от самого рождения и до того момента, когда вы встречаетесь с Библиотекарем. Интересно?

– Интересно! – кричит ему в ответ Иванна К., стараясь перекричать грохот барабанов, и тут же оборачивается к длинноволосому мужчине с безгубой кривой ухмылкой, напоминающей разрез на лице. – Привет, Тарик, есть чего?

– Позже я почитаю тебе свои новые стихи! – кричит в ответ Тарик.

Пётр вежливо улыбается, и все вокруг улыбались ему в ответ, Иванна смеялась, и кругом все тоже смеются, хлопают друг друга по плечам, женщины поднимаются на цыпочки и целуют чужих мужчин в плохо выбритые щеки. Праздник безумия, пропахший потом, табаком

и пойлом из трёхлитровых банок, которые ходили по рукам. Запрокинув голову, Иванна бесстрашно пила из точно такой стеклянной банки пиво, горьковатое на вкус и водянистое.

Наконец-то они протиснулись в актовзй зал, полный блаженненьких, оцепеневших от громкой ритмичной музыки, под которую, невзирая на тесноту и толчею, кто-то все же умудрялся танцевать в проходах между кресел. Подвыпивший лысоватый мужчина в милицейской форме, но без фуражки, беспрестанно щелкал фотоаппаратом, а в перерывах между песнями весело кричал:

– Водки давай!

На сцене выступала группа из трёх музыкантов и одного певца с белобрысым чубом: высокого, ростом выше всех своих музыкантов, в очках с модной оправой, похожего на немца или прибалта. Певец никак не мог устоять на месте, неумело, но с чувством пританцовывал либо ходил вокруг микрофонной стойки, отбивая ладонями ритм, а в музыкальных проигрышах, когда не нужно было петь, присаживался на корточки и принимал из благодарных рук бутылки с пивом.

Пётр наблюдал за певцом. Тот напоминал ему своего рода приёмник: притягивает к себе тревожные, будоражащие вибрации звука, а потом массировано излучает зрителям. Белобрысый человек с микрофоном жил только здесь и сейчас, на сцене, за его высокой вихляющейсй фигурой угадывалась бытовая неустроенность. Всё, что попадало в мощное поле притяжения, либо превращалось в музыку, либо понемногу, исподволь, как труха истачивает дерево, убивало его. Но именно в этом певец черпал силы для того, чтобы жить дальше и вибрировать особыми ритмами, от которых цепенели собравшиеся под сценой девочки и мальчики.

Вот в чём заключался секрет обаяния его болезненной музыки, понял Пётр, она рождалась не из таланта композитора и исполнительского гения, а из умения жить определенным образом жизни, каждый день и каждый час приманивая к себе все то, что так или иначе приближало смерть. Сама музыка Петру не понравилась, он привык к другим гармониям и звукам, но был очарован странным ритуалом, который разыгрывался на сцене.

– Играет «Матросская тишина»! – прокричала Иванна в ухо, пытаясь перекричать звуковой шквал, и Пётр вздрогнул от неожиданности. – Это одна из самых крутых групп сейчас!

Дальше впечатления смялись в комок резких и громких звуков музыки, которая уже не воспринималась им связно (то ли потому, что Пётр устал, то ли по причине того, что музыканты, выступавшие после этой самой «Матросской тишины», плохо и неумело играли на своих электрогитарах), ссыпались в гулкую, раздробленную эхом пригоршню восклицаний и необязательных слов, которые Пётр не в состоянии был запомнить. Лица продолжали мелькать словно в треснувшем калейдоскопе. Вот они за углом театра в компании каких-то длинноволосых оборванцев, курят трескучие папиросы с резким запахом перегорелых семечек, а один из курильщиков, нечесаный мужчина с кривой ухмылкой, напоминающей разрез бритвой на небритом лице, читает частушки про льва, который любил отдыхать на соломе, – но дальше Пётр не все понимал из-за какого-то особого жаргона.

(Они уже встречали этого мужчину на лестнице или ему показалось?)

А вот они снова в зале, Иванна танцует в проходе между рядами кресел, как будто погруженная в транс: глаза закрыты, руки подняты вверх. Вот Иванна снова пьёт

портвейн рядом с лестницей, сидя на подоконнике и болтая ногами, пьет прямо из горлышка, а парень в беретике и с куриной косточкой в кармашке пиджака продолжает свою историю; только теперь этот рассказ без начала и без конца пахнет кислым перегаром.

– И действительно, вскоре после этого она встретила Библиотекаря. Тот провёл ее по библиотеке, но не позволил открыть ни одну из книг, которые стояли на полках – хотя на корешках были знакомые имена. Это были имена бывших любовников, друзей, знакомых. Что поделать! Зато Библиотекарь отдал ей книгу её жизни, а уже рассказывал – с золотыми буквами «Иванна К.» на черной обложке. Текст этой книги обрывался на том самом месте, когда Библиотекарь отдал Иванне книгу её жизни. А дальше можно сочинять свою жизнь самой! Но что самое важное...

Тут молодой человек в беретике и круглых очках икнул.

– Что в её книге жизни осталось больше половины пустых страниц! А значит, ей предстояла долгая жизнь, пиши – не хочу! Интересно?

– Интересно! Сочиняй ещё! – кричала Иванна в ответ, пила портвейн и через минуту снова оказывалась под сценой, или во дворе дома культуры, или танцующей в толпе, а Пётр волочился за ней следом, как младший братишка, за которым некому приглядеть дома, окончательно оглохший и отупевший. Через час Иванна была пьяна, и ее тошнило в уборной театра, но потом ей стало легче, а ночной воздух, казалось, совершенно её протрезвил.

Какой-то мрачный, неразговорчивый знакомый Иванны подвез их на своей новенькой иномарке в центр, всю дорогу хмуро изучая Петра в зеркальце заднего вида.

В его комнате на Большой Житомирской Иванне снова стало плохо, и Пётр уложил её на кровать, но раздеть так и не решился, только стащил курточку и кроссовки. Под кроссовками оказались потешные полосатые носки.

Сидя за столом, Пётр смотрел на бледное лицо с прилипшей ко лбу челкой смешной прически и думал, что делать дальше, но ничего не придумал лучшего, чем снять с полки книгу. Ночь прошла без приключений, только время от времени он вставал и поил Иванну холодной водой. Иванна делала несколько глотков, не открывая глаз, и снова ложилась.

– Где я? – раздался слабый голос (Пётр посмотрел на стрелки часов) в полшестого утра. – А, ну да.

Иванна села на кровати, попыталась улыбнуться, снова легла и закрыла глаза, думая о том, что вряд ли машина с водителем дежурила всю ночь под подъездом, что придется теперь искать телефон и сколько у неё, собственно, осталось денег после вчерашнего разгула.

(Денег, скорее всего, не осталось.)

Пётр тоже ощущал себя не на своем месте, когда тебе и неловко, и в то же время немножко смешно: то раскрывал книгу и продолжал чтение, то снова откладывая её на стол. Из-за двери слышался приглушенный шум спущенной в унитаз воды, скрипнули петли, зашаркали шаги.

«Валентина Григорьевна», – автоматически, как до того поглядел на часовые стрелки, отметил про себя Пётр.

Огоньки невидимого пламени вспыхнули и заплясали, предупреждая об опасности, но Пётр всё равно сделал два с половиной шага к кровати и сел рядом.

– Нет, – картинно простонала Иванна. – Пожалуйста. Только не сейчас.

Пётр приложил палец к губам, опустил обе ладони на её лоб и замер в привычном ожидании того, как по рукам, словно по проводам, потечёт целебное электричество. Не понимая, что будет дальше, Иванна положила пальцы, которые показались Петру очень красивыми, на его пульсирующие токами пальцы и не шевелилась. Через несколько минут лицо её порозовело, черты разгладились, а ещё через две минуты Иванна почувствовала себя отдохнувшей и привычно преисполненной энергии.

– Как ты это сделал?

– Не знаю, – Пётр пожал плечами, и не соврал: он действительно не знал.

– Я могу встать?

Пётр покраснел и вскочил с кровати. Иванна попробовала устойчивость палубы ступней в полосатом носке (не укачивало, надо же, похмелье исчезло бесследно) и прошлась по комнате. Когда-то здесь потерпела крушение ячейка из крепких среднеклассовых сот советского общества. Иванна обходила комнату по кругу, касаясь кончиками красивых пальцев, как будто считывая иглой проигрывателя пластинок тайную музыку этой комнаты, ковра на стене и обоев в лишенных ковра проплешинах. Скользнула равнодушно по корешкам книг, раздвинула невыносимые занавеси, разукрашенные цветочками и птичками. Из окна открывался вид на докторский дом Алёшина.

Иванна стояла у окошка, разглядывая странный дом напротив, смахивающий на японский музыкальный центр, и ранних утренних прохожих, и прикидывала, что же ей делать дальше. Наконец, обернулась к Петру и

попросила чистое полотенце. Минут через десять Иванна с мокрыми волосами, зачесанными назад, отчего лицо ее стало немного чужим и по-новому красивым, вернулась в комнату, заперла дверь и сунула что-то в свою сумку.

– С тобой когда-нибудь это происходило раньше?

Пётр снова молча кивнул, тогда Иванна подняла руки и очень буднично, как будто она стояла посреди собственной, а не чужой комнаты, наедине с собой, сняла через голову свитер. Под свитером внезапно для Петра больше не оказалось одежды. Когда пестрая цыганская юбка полетела следом за свитером, в угол, где стоял проигрыватель и стопка пластинок с записями опер, Пётр покраснел. Получается, он просто не понял вопрос.

– Боже мой, ты краснеешь! – запрокинув голову, рассмеялась Иванна и прикрыла зачем-то ладонями грудь. – Знал бы ты, как это возбуждает.

Вот так Пётр столкнулся с первым искушением – и не смог перед ним устоять.

Седьмая глава

– Знаешь, в чем преимущество собственной квартиры? – спросила Иванна.

От нее пахло любовью, и она была удивительно хороша со своей новой прической – короткие пряди волос облепили голову, словно купальная шапочка. Пётр покрепче прижал Иванну к себе, но она высвободилась и села на кровати, несколько раздраженно отыскивая вокруг себя нужные вещи. Отказавшись от линз, теперь Иванна носила затемненные очки, скрывающие тяжелый взгляд Медузы, но вот беда, постоянно забывала, где же оставила их накануне.

– В чем же? – сонно спросил Пётр, откидывая назад длинные, слипшиеся от пота волосы, которые прятали лоб.

Он подал очки, которые всё это время лежали на тумбочке, куда Пётр сам же и положил их после того, как бережно освободил её лицо. Все остальное Иванна по-прежнему снимала с себя сама, потому-то в этой игре с очками Пётр находил столько нежности. Прозрев, Иванна принялась натягивать джинсы, которые всё это время висели на спинке кровати, только руку протяни.

– В том, что можно не надевать штаны, когда идёшь в туалет. Не замечал?

Она смотрела на Петра вполоборота и застегивала пуговицы, а Пётр, как всегда, не мог понять, когда Иванна шутит, а когда говорит всерьёз. Природа отрегулировала её ощущение смешного под таким углом, чтобы видеть

и подмечать в окружающих людях исключительно глупые, нелепые и пошлые черты. В таких случаях Пётр предпочитал маскировать улыбкой растерянность, когда речь шла о симпатичных ему людях или о важных для него вещах. Сама Иванна отказывала ему в чувстве юмора: его шутки казались ей лишёнными глубины наблюдательности и юда. В общем, они смеялись только над собственными остротами.

«Ну вот, она снова завела свою любимую пластинку», – вяло подумал Пётр и тоже натянул штаны, но Иванна вернулась в хорошем настроении.

– Кстати, – она достала из рюкзака градусник на липучках. – Я тебе купила, как ты и просил.

– Завернись в одеяло, – улыбнулся Пётр. – Будет немного холодно.

За окном, в самом деле, оказалось морозно. Дворники с лицами приговоренных расчищали от сугробов тротуар. Под самым домом водитель троллейбуса с папирсой, как будто растущей прямо изо рта, злобно ставил на место слетевшую штангу. Иванна вернулась на кровать, сбросила домашние туфли и послушно завернулась в одеяло.

Эти туфли Иванна привезла в своей безразмерной сумке уже через день после того, как впервые осталась в этой комнате: ей потребовались, ни много ни мало, сутки на понимание того, стоит их покупать или нет. Когда решение было принято, Иванна принялась обживать его комнату с присущей бесцеремонностью. В том углу, где раньше стоял родительский стерео-проигрыватель пластинок, появился музыкальный центр, похожий на аппарат для исследования иных планет (слушать её любимый инди-рок), а в нише для телевизора вместо

книжных стопок – японская видео-двойка: почти каждый вечер Иванна смотрела новый фильм. Пётр постоянно натыкался на её бельё, юбки и пуловеры в шкафу, когда искал свои рубашки: она часто одаривала его новыми сорочками в хрустящей упаковке из целлофана, а он даже не догадывался о цене.

Теперь Иванна смотрела, как Пётр прикрепляет градусник на стекло распахнутого окна, а крупные хлопья снега (как позже выяснилось, последнего снегопада этой зимы) опускаются на его плечи, и думала о том, сможет ли сказать ему сегодня, или подарит себе ещё один день либо два.

– Ты так и не сказал, зачем тебе градусник.

Пётр присел на край кровати и обнял Иванну.

– Буду предсказывать погоду.

– Круто, – усмехнулась. – Вот так ты и заработаешь свой первый миллион. А как же ты собираешься предсказывать погоду с помощью градусника?

Пётр улыбнулся, наученный месяцами её дурного настроения, долгими, словно скучная лекция, не обращать внимания на выпады. Прилёг рядом и задумался ненадолго.

– Ну, конечно же, не с помощью градусника, – он снова мягко улыбнулся. – А с помощью эфемерид. Это такие таблицы движения планет. Я заметил, что погода меняется на фазах Луны. В полнолуние, например, или на лунных четвертях. И вот я подумал, что если следить за положениями Меркурия относительно Луны, как второй по скорости планеты, то можно очень достоверно спрогнозировать, как именно изменится погода. Закономерность я нашёл, теперь мне нужен градусник. Чтобы уточнить свои расчеты и описать.

Это была целая речь. Только с Иванной он разговаривал подолгу.

Разумеется, она задержалась в этой комнате с общими для всех квартирантов сортиром и душевой не только потому, что Пётр был таким чутким к каждому её движению и выносливым – в её окружении хороших любовников насчитывалось достаточное количество для того, чтобы превратить личную жизнь в латиноамериканский сериал. Здесь всё было иначе: Пётр был другим, из иного теста и совершенно особого образа мыслей, это было его достоинством и в то же время их совместным проклятием. Увы, все попытки вписать Петю в иные ландшафты и декорации, на фоне которых побулькивал привычный бульон её круга, где варились в различных, никогда не сообщающихся между собой котлах друзья, подруги и бывшие любовники Иванны, заканчивались ничем. Даже в божественной компании Пётр смотрелся пришельцем – в самом деле, упавшим с Меркурия, второй по скорости планеты.

В этой комнате, которая временами казалась Иванне подземельями башни из слоновой кости, тоже всё было по-другому, словно в параллельном мире фантастического фильма, когда знакомые предметы обретают иные значения и смыслы. С одной стороны, Иванне хотелось разрушить этот мир, чтобы заставить Петра выйти из пещеры отшельника. Но в то же время Иванна боялась этого, потому что догадывалась: походя можно было разрушить и самого Петра.

– Значит, ты веришь в астрологию?

– Я молодой учёный, – строгий Пётр поднял назидательно палец. – Восходящая звезда своего курса. Так, по крайней мере, я слышал, обо мне говорят на кафедре. Так вот. Я верю только в то, что можно измерить и посчитать.

– До сих пор не понимаю, как всё это в тебе уживается, – засмеялась Иванна.

– Ива, должен же я как-то переключать мозги? Вино я не пью, футбол не смотрю, мне это скучно. Играть в карты и ловить рыбу мне тоже не нравится. Хотя преферанс — это интересно, – поправил он себя, всегда и во всём стараясь быть точным. – Романов не читаю и тоже не люблю. Всё, что мне нужно знать о людях, я вижу и так. И не сказал бы, что меня это так уж сильно радует.

– Но ведь фильмы тебе нравятся?

Пётр покраснел. Когда они вместе смотрели ненастными вечерами видеокассеты, Иванна погружалась в кино с головой и не терпела, когда её отвлекали. Она знала имена и фамилии режиссёров, актёров и актрис, и в компании, особенно если выпивала достаточно вина, умела долго спорить и доказывала таким же знатокам видеофильмов, отчего тот или иной хорош либо плох. Правда, все её аргументы Пётр уже слышал раньше от других друзей Иванны, в иных компаниях, которые никогда не пересекались между собой, – но всякий раз удивлялся и радовался её бесстыдству и ловкости. Самому Петру не удавалось вспомнить ни словечка, ни кадрика из увиденной кинокартины сразу же после того, как экран видеодвойки вновь засыпал. Зато эти полтора-два часа позволяли ему передохнуть от разговоров, напоминающих игру в пинг-понг, дарили возможность додумать мысли, брошенные в ящик ожидания в тот самый момент, когда скрипели петли входных дверей, и он слышал знакомые шаги в коридоре.

(У Иванны был свой ключ, что нервировало соседей, которые и так её недолюбливали.)

Заметив, что Пётр покраснел и замолчал, она поспешила сменить тему, пока он не ушёл в себя, как уже бывало не раз. Сбросив с плеч одеяло, Иванна прыгнула с кровати и уселась за письменный стол.

– Бог с ними, с фильмами. Предскажи-ка мне, какая будет завтра погода?

– Ты это серьёзно? – оживился Пётр. – Тогда подвинься.

Всегда готовый и работать, и любить, он присел к столу, взял калькулятор, раскрыл большую книгу в потрёпанном переплете – те самые таблицы движения звёзд, и принялся черкать ручкой по листу бумаги, вырисовывая астрологические значки и россыпи цифр, ничего не говорившие Иванне. На другом листе Пётр нарисовал неровный круг и принялся переносить внутрь круга получившиеся цифры и перерисовал значки. Затем прикрыл один глаз и посмотрел на получившийся чертёж.

– Ну-у-у... Погода завтра точно переменится.

– Ну, нет! – Засмеялась Иванна. – Так тебе никогда не заработать миллион! Погоду нужно предсказывать точно. Завтра похолодает или потеплеет? Снег и дальше будет идти? Или перестанет?

Пётр помолчал, что-то прикидывая, касаясь шариком ручки разных точек чертежа, как будто осторожно расталкивал спящего.

– Снег перестанет идти уже ночью. Похолодает. Так что завтра днём будет холодная погода, – он ещё немного подумал, как будто взвешивая. – И да, будет солнечно.

Это было неожиданно: в машине она слышала прогноз погоды для Киева на завтрашний день, но Пётр не слушал радио и не включал подаренный ей телевизор.

(Иванна даже не была уверена в том, подключен ли он к антенне.)

Хорошее настроение скукоживалось, похоже, что безвозвратно.

«Интересно, а он в курсе ситуации с Сергиенко? – спросила себя Иванна, усевшись с ногами на стул и обхватив колени. – Что Сергиенко украл Петину курсовую работу, открыл свою фирму и торгует его изобретением? Хотя... Если весь Политех об этом только и говорит, то Петя как раз может и не знать».

Фамилия Сергиенко принадлежала научному руководителю Петра. Иванна понимала, что не стоит снова поднимать навязшую тему, что этим ненужным и болезненным для обоих разговором испортит вечер и себе, и Пете – вполне возможно, последний их вечер, проведенный вместе. Тем более, что этим разговором ничего уже не изменить.

– Петя, ты столько всего умеешь и знаешь, – осторожно начала Иванна. – При желании ты мог бы легко найти работу в Германии или даже в Америке. Вот почему ты не хочешь в Америку?

Он промолчал, непогоду следовало переждать: бессмысленно сердиться на дождь за то, что начался не вовремя. Счастливый здесь и сейчас, когда впервые за долгое время в его жизни появилось подобие стабильности, Пётр ничего не хотел менять в ней. Рядом была любимая женщина, а после окончания курса его ждала аспирантура, это был решённый вопрос, а затем работа преподавателем, которая непременно станет любимой работой. Сейчас он репетиторствовал по вечерам: готовил абитуриентов к поступлению. И хотя занятия давали доход небольшой и не всегда стабильный (зарплаты на предприятиях могли

задерживать месяцами, и Петру ничего не оставалось, как ждать, когда же с ним рассчитаются), все же на книги, еду и оплату счетов за электричество и газ ему хватало и без подарков Иванны.

– В институте ты будешь получать, в лучшем случае, двадцать долларов, – Иванна знала, о чем он думает. – Я думаю, что ты достоин большего. И заслуживаешь лучшей судьбы.

Пётр промолчал.

– Ладно, ты меня все равно не слушаешь, – Иванна как будто приняла наконец-то какое-то решение, не дававшее ей покоя. – Пошли куда-нибудь перекусим. Мне хочется жареного мяса. Я сейчас съела бы слона! И вина. Я выпью бочку вина.

– Со мной пока что не рассчитались за уроки, – сухо ответил Пётр. – Обещали только на следующей неделе.

– Ничего страшного, я угощаю. А потом мы вернемся к тебе. Только не забывай подливать мне вина. Я хочу сегодня напиться, – внезапно Иванна рассмеялась. – Послушай-ка, а давай будем делать ЛСД! Ты будешь готовить кислоту, а я познакомлю тебя со своими друзьями, которые помогут продавать. Тебе же это как раз плюнуть. И ты никогда больше не будешь думать о деньгах.

Она опустила ноги в туфли, достала из рюкзака сигареты и открыла окно. Разговор был окончен, отвечать было не обязательно, да Пётр и не знал, что ответить. Он достал из шкафа свежую рубашку и вышел. Иванна курила, выдувая дым за окно. Снежинки продолжали вальсировать на расстоянии вытянутой руки, на душе было мерзко, как будто она провела бесконечную ночь, накачивая себя химикатами – а после такой ночи всё, к

чему ты не прикоснёшься, кажется нечистым и липким. Сейчас точно также неприятно было касаться пальцами собственных губ, когда она подносила к лицу сигарету. А тут ещё эта история с Сергиенко. Поможет ли вино? Ведь всё может быть только хуже.

(Иванна невесело усмехнулась, вспомнив первую ночь, проведенную в Петиной комнате.)

Впрочем, на какое-то время вино заглушит отвращение к самой себе.

Вопрос с отъездом был давно закрыт: последние два года она доучится в Германии. Пришло время соблюсти уговор и принять решение отца, каким бы оно ни было, а отец решил продать в Киеве всё, что только можно было продать за зелёные деньги, и сосредоточиться на бизнесе, который за последние полтора года более-менее успешно удалось развить в Чехии. Уже был куплен и обжит матерью Иванны дом в Бероуне, прятничном городке под Прагой.

(В Украине они оставили только квартиру с видом на Днепр на Оболонской набережной, которую только-только начинали застраивать – мало ли, никогда не помешает иметь запасной плацдарм на случай неудачи и стратегического отхода.)

Отец Иванны не видел смысла ни для себя, ни для семейства К. оставаться в Киеве, и теперь Иванна тоже это понимала, разглядев окружающий её город и людей, обживающих этот город, глазами отца. Она увидела мир, где в бесконечной борьбе за ускользающее благополучие можно только стареть, с каждым годом умирая и плотью, и духом точно так же, как стремительно дряхлеют и осыпаются ставшие никому не нужными особняки Сикорских или Мурашко.

Иванна разглядела наконец-то людей, которые пришли на эти руины, словно вступившие в Рим варвары, и принесли с собой всю свою Жмеренку, чтобы со временем воссоздать его на дымящихся развалинах Сенного рынка, Тюремного замка, Табачной фабрики, домика, в котором жил и творил Шолом-Алейхем – всего того антуража, который всё ещё составлял декорации счастливых дней, наполненных музыкой и картинами, беззаботными встречами и прогулками, пьянством и дуракавалянием. Эти дни теперь подходили к концу, и грядущие перемены не обещали почти ничего взамен горечи разочарований. Но Иванне не хотелось осваивать скорбное искусство потерь – слишком многое уже было утрачено. Она не желала оставлять позади себя пустоту чёрной, бесконечной дыры в прошлое, которое с годами будет казаться всё более счастливым.

(Отрезая, на самом деле, с каждым днем все большие куски настоящего).

Иванна закурила новую сигарету и поняла, что не сможет объяснить это Пете. Он упрямо желал оставаться частью киевского пейзажа, как мастерские художников на улице Парижской Коммуны или лестница, змеящаяся от Пейзажной аллеи к урочищу Кожемяки, с её деревянными ступенями, пропитанными портвейном и дымом конопляных шишек. Петю можно было забрать с собой только в воспоминаниях – либо стряхнуть с себя наваждение его любви, как она избавилась уже от многих иллюзий. Ведь по своей сути Петя оставался живым воплощением всего того, что она оставляет за спиной и постарается как можно быстрее забыть. Очередной гениальный чудак, который состарится в ещё одного, коими славен Киев, городского сумасшедшего, и с этим решительно ничего нельзя сделать – ни исправить не выйдет, ни отменить.

Иванна не ожидала, что будет так больно. А ведь она догадывалась о том, что не нужно трогать этого странного наполовину мальчика, наполовину мужчину. Ну что же, отец был прав, за всё приходится платить, и за это тоже.

Но вот вернулся Петя в свежей рубашке, озабоченно поглядывая на нее из-под челки, Иванна собрала себя в кулачок и беспечно улыбнулась. Счастливый, Петя улыбнулся в ответ. Ночью, как он и говорил, температура за окном опустилась до минус десяти, но в натопленной комнате было жарко. Словно в последний раз накануне конца света, Иванна долго не давала ему заснуть – только под утро они провалились, наконец-то, в тёмные озёра сна, каждый в своё, не обращая внимания на сбившиеся комом мокрые от пота простыни. Прогноз погоды не обманул: утром снег уже не вальсировал за стеклом. Зато вся Большая Житомирская оказалась залитой ярким солнечным светом, как будто стущённым молоком – да так, что на обоях до самого обеда блики играли наперегонки.

Восьмая глава

Так благодаря Иванне Пётр вспомнил, что на свете есть деньги – и они важнее всего, что он считал самым важным. Её мать спокойно и вежливо объяснила по телефону, что он нищий, лишенный каких бы то ни было перспектив. Что он неудачник, который собирается усесться на шею семейства К., и так далее, и тому подобное.

(В тот вечер она сказала ему ещё много чего неожиданного, о чем Пётр если и догадывался, то всерьёз никогда не задумывался об этом.)

Сама Иванна к телефону не подходила.

По привычке Пётр бродил после занятий по Андреевскому и Пейзажной аллее, по-прежнему ничего не замечая вокруг, но теперь внутри была пустота. Привычно спускался на Крещатик, в разинутую пасть метро, чтобы ехать на занятия; они, впрочем, перестали его волновать. Иванна унесла с собой часть его самого, всё то, что раньше наполняло жизнь смыслом. Но хуже всего, что Иванна унесла с собой огонь, который горел вокруг ровным синим пламенем и защищал. Теперь оказалось, что Пётр не только одинок – он беззащитен перед всеми, кому хотелось толкнуть его в метро или на улице, обругать в очереди, выпихнуть с автобусной площадки в час пик, потому что автобус и так набит пассажирами.

Он перестал делать чудеса. Руки больше не лечили людей и не оживляли вещи.

В один из морозных дней Пётр отправился на Пьяный угол, куда старался без нужды не ходить, к причудливо одетым девушкам и длинноволосым юношам, что топтались возле подвальной кофейни и под сводом арки у входа в кафе. Многие знали Иванну и по привычке здоровались с Петром. Он купил в гастрономе на углу Владимирской и Большой Житомирской две бутылки вина и выпил одну из них в подъезде рядом с кофейней. Пили компанией каких-то друзей Иванны, лишённых лиц, точнее, все они были на одно лукавое лицо. Пили прямо из горлышка, без церемоний, друзья Иванны время от времени хлопали его по плечу и сочувственно просили «забить» – он не был первым в списке страдальцев, и вряд ли станет последним.

Вторую бутылку вина Пётр выпил дома, за письменным столом, равнодушно глядя в окно. Вдруг ему стало всё равно, спокойно и очень хорошо. А что было дальше, он не помнил.

Наутро Пётр очнулся от стука в дверь. Приглашали к телефону – звонил староста группы.

– Заболел, что ли? – участливо спросил голос из трубки.

– Да, – Пётр с трудом разлепил рот. – Заболел.

– Мог бы и предупредить.

– Прости. Внезапно свалился. Грипп.

– Да без проблем. Хотелось просто уточнить – ты там живой или как?

«Конечно же, – подумал Пётр. – В институте уже всем давно известно. Ни спрятаться, ни скрыться».

Промолчал.

– Я думаю, – продолжал староста, – тебе стоит знать. Про Сергиенко.

«В институте я буду получать двадцать долларов зарплаты, – повторял Пётр про себя, словно мантру, – я всегда останусь нищим. У меня нет никаких перспектив. Я неудачник».

Он закрыл глаза, но так было ещё хуже.

– Мне все равно.

Пётр повесил трубку и подумал о том, что пора возвращаться, куда бы его не привела обратная дорога.

Прогулка по морозному воздуху, в самом деле, вернула его к жизни, Пётр почувствовал себя снова сильным и бодрым, любясь ветками деревьев, принарядившихся за ночь в снежные муфты. Слепил несколько снежков, но так и не бросил. Снег задрапировал все безобразное и кривое, как в доме покойного зеркало драпируется белой простыней, чтобы страдание и боль не множились в отражениях – все эти скрюченные деревья, отравленные смогом и выхлопами машин, разбитые тротуары, уродливые вывески магазинов «Хлеб», «Молоко» и «Мясо», в которых не было мяса. В голове пусто, но хорошо: Пётр ни о чем не думал и чувствовал себя почти счастливым, слушая веселые крики детей с санками и трамвайные перезвоны, как меломаны слушают после долгого перерыва музыку.

– Ну что же, будем всё начинать сначала, – сказал себе Пётр и засмеялся, впервые за много дней.

Новая жизнь началась с того, что Пётр вместе с соседями по коммуналке на Большой Житомирской продал свою комнату какому-то нуворишу по имени Игорь Борисович, который выкупал этаж целиком. На вырученные деньги купил квартиру неподалеку от Политехнического института, на глуховатой улице Желябова, в доме неподалеку от ректората Нархоза.

(Теперь, и в самом деле, можно было не надевать штаны, когда идешь в туалет.)

Поиски квартиры, переезд и ремонт стали развлечением, которое позволяло не думать и не вспоминать. Сосредоточенно, с холодным азартом, как раньше играл в шахматы, Пётр покупал сверкающие смесители, рассматривал обои, выбирал удобный письменный стол.

Через какое-то время оформил в деканате академический отпуск – при этом продолжал появляться в лаборатории химического корпуса, но почему-то по ночам. Чтобы попасть ночью в корпус, подкупал сторожей и стареньких вахтёрш, прекрасно понимая: сколь бы щедрым ты ни был, рано или поздно кто-нибудь донесет, а значит, времени немного.

(Но сколько именно, никто не знал.)

Стараясь управиться к пяти утра, Пётр тщательно перемывал всю посуду и протирал столы, бережно будил вахтёршу и совал в морщинистую лапку стопочку купоно-карбованцев.

Зима умирала, из последних сил не желая уступить весеннему солнцу ни пяди заснеженной земли. Но, как не сцепливай зубы сугробов, казалось бы, застывших навечно, приходилось мириться с неизбежным и уходить, если уж наступили твои последние дни. А последние

дни и недели зимы – самый неприглядный киевский сезон, когда из-под тающего снега выползает на клумбы и тротуары всё безобразное и кривое, что так долго вызревало под белыми простынями наста.

Эти несколько недель в Киеве нужно просто пережить, сохраняя глубоко внутри остатки гармонии и тепла, чтобы встретить весну пускай опустошённым, но не сломленным.

Усталость не позволяла заснуть, здесь помогала долгая прогулка. По заведённой привычке Пётр стоял какое-то время у памятника Менделееву, как будто снова заставляя себя привыкнуть к слякотному небу над головой и грязи под ногами, затем шёл через тёмный парк Политехнического института, вдоль ёлок – единственных деревьев, которые умели сберечь достоинство в последние дни зимы. Пушкин смотрел со своего постамента надменно и мрачно, словно знал, что баням через дорогу от парка уже никогда не суждено снова открыться, а это означает, что осталось ждать разве что первых весенних дождей.

Дома, стащив ботинки и добротную тёплую куртку, Пётр ставил в пусковую шахту магнитофона кассету, заваливался на диван и постепенно, как в тёплую ванну, погружался в сон под тревожное пение Паваротти, чтобы следующей ночью начать с самого начала, с учётом прежних ошибок.

Видимо, эти усилия принесли свои результаты, потому что бывшие однокурсники несколько раз встречали его в казино на Прорезной улице, где Пётр играл в блэк-джек, равнодушно выигрывая и столь же бесстрастно проигрывая, но всё по мелочам. А на исходе лета школьный учитель химии Семён Пётрович столкнулся с Петром под оперным театром. Сам Семён

Петрович почти не изменился, только кончики усов скорбно свисали, а не топорщились, как раньше, вопреки интригам завуча и безденежью. Он сразу же узнал Петра, несмотря на дорогой костюм, сидевший на худощавой фигуре, будто школьная форма, пейджер на поясе и подержанную иномарку, из которой как раз выходил бывший ученик – три безошибочные приметы скорого и не всегда честного богатства.

Оставив супругу, Семён Петрович пошёл навстречу поздороваться и расспросить о жизни, но дорогу преградил угрюмый серолицый человек с поломанными ушами, похожий на бандита.

– Всё нормально, Володя, – остановил его Пётр. – Вы что-то хотели?

Голос был глуховатый, как у всех людей, которые привыкли редко и ненадолго открывать рот. Семён Петрович присмотрелся внимательнее: Пётр казался ещё более худым, чем обычно, но держался, как всегда, вежливо и отчужденно. Разве что в глазах появилось новое выражение, которое не понравилось Семёну Петровичу, и он ответил:

– Прошу прощения. Я, видимо, обознался.

А про себя подумал: «Похоже, парень попал в беду. Надо его выручать».

– Да, – едва улыбнулся Пётр, как будто извиняясь, – вы обознались.

Девятая глава

Вот уже девятый день Пётр жил в этой мощно укрепленной крепости – или же в тюрьме, в зависимости от того, с какой стороны трёхметрового забора смотреть на окружающий тебя мир. Впрочем, Пётр привык, как ранее смог приучить себя не обращать внимания на охранника по имени Володя, который сопровождал его всюду, стоило ступить за порог. Он понимал, что уже не выйдет за бронированную дверь, врезанную в тюремный забор, как никогда не сможет вернуться к прежней жизни и навсегда утраченному восприятию мира, который ещё год назад казался полным грядущих чудес.

Пётр просыпался ближе к вечеру, собирал опавшие листья в небольшие холмики, просил у охранника зажигалку и, опершись на грабли, следил за тем, как ветер уносит дым: хоть какое-то развлечение. Огромная мохнатая собака, прикованная цепью к периметру забора, садилась у его ног и, казалось, тоже провожает внимательным взглядом удушливые клубы. И Володя, и второй охранник, чье имя Пётр всё не мог запомнить (и потому называл его для удобства Володей Вторым), боялись собаку и ненавидели, пёс отвечал им такой же густой темной ненавистью. Принц, как окликал Игорь Борисович пса, когда привозил его любимое лакомство – завернутые в бумагу гамбургеры из «Макдональдса», только его и слушался, и когда убийца Принц, вместо того, чтобы вцепиться в горло Петру, по-домашнему улегся в траву у его ног, на охрану это произвело достаточно сильное впечатление.

Работы пока что не было, и Пётр не утруждал себя спускаться в подвальную лабораторию. Всё время, свободное ото сна, он проводил в выделенной ему комнате с письменным столом, диваном, музыкальным центром и стопками книг по углам, убивая час за часом преимущественно прослушиванием музыки, гораздо реже – чтением. Около десяти утра и пяти вечера в небольшой кухоньке рядом со входом в подвал ожидали, когда же их наконец-то съедят, завтрак и обед, привезенные охранником из ресторана средней руки: отбивные или котлеты, рис, суп, овощной салат.

(Всё то, что в кругу далеких сверстников Петра называлось входящим в моду словосочетанием «бизнес-ланч».)

Когда за едой ездил Володя, не забывал купить мороженое, второму охраннику приходилось напоминать. Брезгливо поковырявшись в тарелке, Пётр возвращался в свою комнату, включал диск Доницетти или Вагнера и привычно укладывался на диван.

Иногда, в отдельные минуты пробуждения чувств и мыслей от летаргического сна, Пётр удивлялся, насколько ему безразлично это состояние туповатого равнодушия. Он всматривался вглубь себя и с удивлением понимал, что определенная часть его души как будто перестала взаимодействовать с его разумом.

«Точно так же, – думал Пётр, – как драйвер флоппи-диска перестаёт отвечать на запросы операционной системы компьютера».

Само собой, перестал отвечать на запросы тот самый орган или конечность его души, который Иванна, уходя, так буднично прихватила с собой, бросив в сумку, как не глядя бросала в её распахнутую пасть с мелкими зубчиками молнии-улыбки кассеты, прослушанные Петром, и прочитанные им книги.

Тогда он снова спрашивал себя, а что же в таком случае душа? Однажды он уже ответил на этот вопрос: это заключенная в каждом человеке нематериальная частица некой высшей силы, которая управляет всеми процессами на Земле и во Вселенной. Наиболее точно эта высшая сила представлялась Петру неким вселенским компьютером, выполняющим миллиарды операций в одну секунду. Интерфейсом операционной системы этого компьютера Пётр видел астрономические часы планет, которые отмеряли неумолимое космическое время.

(Соответственно, рентгеновским снимком души становился гороскоп рождения, как графическое отображение частицы Вселенной в каждом конкретном человеке.)

Но теперь Пётр начинал понимать, что истинным языком взаимодействия души с окружающим миром были не цифры и формулы, а чувства и эмоции – любви, сострадания, милосердия, радости. А наивысшим проявлением милости создателя становился какой-либо дар, которым тот наделял особо полюбившееся ему существо. К примеру, дар снимать боли простым наложением рук. Но этот волшебный талант покинул Петра, а чувства и эмоции онемели: означает ли это, что создатель отвернулся от своего создания?

По ночам, лежа без сна в своей уютной камере, Пётр думал о том, что должен взломать программный код этого Вселенского компьютера, чтобы вернуть украденную часть своей души. Покинуть тюрьму, в которой он сам себя обрек на подневольный труд, снова начать всё сначала. Но как это сделать, пока что не знал.

Иногда он вспоминал, как все начиналось. Тогда Пётр спускался в подвал и бродил по лаборатории, которую создавал сам, увлеченно и со вкусом, любовно

касаясь кончиками пальцев посуды – разумеется, самой лучшей лабораторной посуды, которую только можно было купить за деньги. В этих стенах руки его снова способны были творить чудеса, вот только теперь их направлял не создатель, а его ночная тень.

Сидя на табурете посреди лаборатории, он чувствовал горечь и глубокое сожаление, вспоминая те несколько лет, проведенные в аудиториях института и тишине библиотеки, первую курсовую работу, своё первое изобретение, голодные вечера с книжкой на коленях, одинокие прогулки по городу... Снова голодные вечера в лаборатории химического корпуса, где Пётр работал после окончания занятий над следующей курсовой работой, которую у него украли... С благодарностью вспоминал испитых, призрачных людей, живущих, как Петру казалось, прямо посреди книжных развалов букинистического рынка за станцией метро «Петровка», которые специально для него (и только для него) держали под прилавками издания Элифаса Леви и Фулканелли... Вот только для Иванны в этих воспоминаниях места не находилось, но Пётр не возражал. Так было лучше.

Как и большинство великих открытий, всё произошло случайно, по крайней мере, для Петра – просто в один из особенно безысходных зимних дней, чтобы чем-то занять опустевшую голову и ставшие бесполезными руки, он решил перебрать книги, валявшиеся в недавно купленной квартире повсюду: на диванных подушках, письменном столе, просто по углам, на полу. Периодически Пётр забывал книги в кухне, если читал за обедом. Библиотечка нищего, собранная на сэкономленные средства сиротской пенсии, существенно разрослась благодаря проданной комнате.

(Истинную ценность такого собрания в состоянии оценить лишь тот, кто имеет мужество либо безумие читать только что купленную книгу вместо пускай скудного, но все-таки ужина).

Позавчера Пётр наконец-то собрал новенький книжный стеллаж, и теперь принялся разбирать пыльные стопки и раскладывать по тематическим кучкам. Вдруг он бросил это занятие и рассмеялся – увидел книгу по алхимии, купленную пару месяцев назад на книжных развалах и благополучно брошенную в углу. Это была самодельная копия с издания начала века, пугливо перепечатанная неизвестным советским оккультистом и переплетённая вручную.

Пётр подумал о том, что сейчас на весь Киев осталась единственная переплётная мастерская, в районе Владимирского рынка, и погладил кончиками пальцев истрёпанную коленкоровую обложку. Усмехнувшись, присел к столу и перелистал несколько страниц.

Внутри черного переплета была обычная глубокомысленная бессмыслица, наподобие учебников магии доктора Папюса, не содержавшая ни одной интересной мысли, за которую мог бы зацепиться взгляд. Пётр спросил себя, кто бы мог читать такую книгу и для чего? Безумец? Мошенник? Романтик? Даже человек очень средних способностей понимал, что читает чушь.

«Возьмем хотя бы таблицу влияний планет Солнечной системы на металлы, – Пётр продолжал распутывать ленивый клубок мыслей. – Планеты не могут оказывать на металлы никакого влияния. На самом деле, здесь другая логика: движения планет отмеряют время. Время может быть благоприятным, то есть нести нам новые возможности, а может оказывать деструктивное воздействие. Таким образом алхимики пытались

определить для себя отрезки времени, наиболее подходящие для реакций тех или иных металлов. И воздерживаться от работы с этими металлами в неблагоприятное время, когда планеты, которые им соответствуют, находятся в негативных аспектах друг к другу».

Пётр снова рассмеялся – как и всякий раз, когда в голову приходила идея, которую находил забавной. Получается, что в главном алхимики, возможно, были правы, если планировали свое Великое Делание исходя из расположения планет над головой, но ошибались в другом: планеты нужно сопоставлять не с металлами, а с элементами. А самым распространенным элементом в природе является водород – соответственно, водород можно и должно сопоставить с главной стрелкой небесных часов, с Солнцем.

«Железу в алхимии приписывались свойства планеты Марс, – прикидывал в уме Пётр, укладываясь на диван, где ему думалось лучше всего. – Правильно, это всё металлы вообще. Циклы Луны воздействуют на все жидкости в природе. Соответственно, все жидкие вещества подчиняются влиянию Луны. Хорошо, поехали дальше. Венера? Хороший вопрос. Ага, ну вот и ответ: Венера соответствует кристаллам как наиболее совершенным и гармоничным структурам. Планета Юпитер представляет собой непрерывно расширяющийся газовый гигант. Разумеется, благородные газы. А Сатурн управляет радиоактивными элементами».

Ну что же, логично. Осталось только придумать, что же теперь ему делать со всем этим бесполезным, как сама алхимия, знанием? Ведь совсем не обязательно обладать ученой степенью по химии, чтобы понимать: все рецепты превращения олова и свинца в золото, описанные в алхимических трактатах, не имеют ничего общего с тем, как на самом деле можно получить золото в лабораторных условиях.

Напрашивалось два вывода: либо алхимия являлась метафорой каких-то духовных практик (о чем, между прочим, он уже где-то читал), либо алхимики во время Великого делания получали не золото, а какой-то другой элемент. Но какой?

Чтобы увидеть менделеевскую таблицу, достаточно было закрыть глаза. Пётр опустил веки и вздрогнул, когда понял вдруг, что за элемент алхимики получали в процессе трансмутации металлов. Да, это была платина! Атомный номер 78 – число всех известных нам астрологических комбинаций, иными словами, совокупностей окружающих обстоятельств, в которых каждый из нас может оказаться по воле великого небесного часовщика. Платина – это металл Меркурия, элемент Трижды Величайшего Гермеса, покровителя алхимии. Благородный металл, чья стоимость превышает цену и золота, и серебра вместе взятых. Но истинная ценность платины понятна только тем, кто сумеет сосчитать его число и осознает его скрытое значение. Не зря глупцы, ослепленные золотом, выбрасывали платину в море!

Пётр снова засмеялся от удовольствия, знакомого всем ценителям головоломок, когда составляющие её детали наконец-то идеально ложатся в отведенное для них место.

Таким образом, получается, что все знания, которые содержатся в алхимических книгах, были предварительно зашифрованы их авторами, древними химиками. Можно только себе представить, как они забавлялись, глядя на всех этих романтиков и безумцев, которые использовали зашифрованные трактаты как прямое указание к действию и, обложившись тиглями и ретортами в тайных лабораториях, безуспешно пытались добыть из свинцовых стружек золото. Какая тёмная, беспросветно-жуткая история заблуждений, до предела

наполненная искалеченными судьбами всех тех, кто пытался открыть двери, которые никуда не вели и не могли привести.

«Но почему?» – спросил себя Пётр, и сам же ответил: потому что человеческая жадность и глупость является самой надежной защитой для тайного знания. Благодаря алчности мечтателей о дармовом золотишке и удалось сохранить мудрость древних химиков, чтобы передать её в руки всех тех, кто способен разгадать шифр и воспользоваться знанием. Точно также мудрецы древности спрятали в семидесяти восьми картах Таро учебник астрологии, и тысячу лет картежники проигрывали и выигрывали свои и чужие состояния и даже жизни, не подозревая, что тасуют, сдают, берут и побивают страницы книги, содержащей в себе мудрость всего мира.

Пётр поднял руки к лицу и ощутил давно забытое: как в пальцах опять, сперва едва ощутимо, а потом все мощнее запульсировали токи. Но в этой привычной, казалось бы, пульсации появился новый оттенок, и Пётр понял ещё одну важную вещь: каким образом он сможет получить платину лабораторным путем, совершить пресловутое Великое Делание алхимиков. Раньше он уже читал о том, что так называемый философский камень является субстанцией, которая изменяет структуру всех вещей, позволяя превращать один химический элемент в другой. Лукавые алхимики писали в своих трактатах о том, что этот самый философский камень можно синтезировать – очередная ложь, потому что способность изменять структуру вещей была врожденным талантом, таким же даром, как умение смешивать и накладывать краски на холст, создавая прекрасные полотна.

В одной из лабораторий химической корпуса Политехнического института, куда Пётр проникал по ночам за взятку, рукам чудотворца удалось, пускай с третьей попытки, обратить крупницы кальция и никелевую стружку в более-менее чистую платину. Всё ж не зря преподаватели называли его одним из талантливейших студентов на потоке.

«Вот если бы иметь собственную лабораторию», – думал той ночью Пётр, разглядывая остывающие капли платины и ещё не подзревая о том, что мечты имеют свойство сбываться. А когда это происходит, мечта легко способна обернуться кошмаром.

После того, как чудо свершилось, Пётр уперся большим лбом в проблему – банальную и смешную, как для человека, который смог одолеть загадку Великого Делания. Куда девать полученную платину? Сдавать в ломбард либо нести в скупку золотого лома? Поэтому нет ничего удивительного в том, что рано или поздно на его пути возник авторитетный человек. Если бы не Игорь Борисович со своими големами, так кто-нибудь другой.

На их первую встречу Пётр приехал лежа, скорчившись на полу микроавтобуса, с мешком на голове, причем один из големов поставил на него ногу – наверное, чтобы Пётр не сбежал по дороге. Затем его выволокли, будто мешок с картофелем, из машины, и Пётр обнаружил себя в лесу, за которым пролегалла оживленная трасса. Он огляделся: автомобили услужливо замерли перед высоткой-недостроем. Не успел Пётр удивиться, кому и зачем понадобилось возводить высотный дом посреди леса, как бандиты подхватили его и потащили по лишенным перил пролётам куда-то вверх. Внутри пахло мочой, крысами, блевотиной, и Пётр снова открыл глаза, только когда ощутил потоки свежего воздуха, шевелившего волосы надо лбом.

Заложив руки за спину, по крыше прогуливался невысокий лысоватый человек с неуместной бородкой на грубом волевом лице, коренастый, в серой пиджачной паре. Он остро глянул на Петра и отвернулся, замерев у самого края недостроенной крыши. Шприц телевизионной вышки торчал из земли прямо посреди могил, возведенный на трех кладбищах: Лукьяновском, Военном и разграбленном Еврейском. Пётр догадался, что они находятся где-то в Сырецком лесу и, стараясь не улыбаться, подумал о том, а так ли неправы полубезумные пророки, вечера напролет спорившие на скамейках у городского Почтамта о дьявольской природе советской власти? Определенно, только человек, разбирающийся в искусстве некромантии, мог принять странное, на поверхностный взгляд, решение установить на кладбищах телевышки, транслирующие напрямую в головы граждан единственно правильные суждения, взгляды и оценки.

(В дальнейшем он ещё не раз обратит внимание на тот факт, что все встречи с Игорем Борисовичем происходили в виду погостов – видимо, профессия обязывала.)

Пётр не выдержал и все же улыбнулся, а улыбнувшись, понял, что не боится ни авторитетного человека в костюме, ни его остриженных наголо големов.

«Какая скука, – сказал он себе, замерев у края крыши. – А я-то думал, что от него будет пахнуть серой».

Пётр всё ещё не понимал, что запах серы в данном случае должен исходить от него самого, потому что пройдет несколько недель, и криминальный авторитет средней руки превратится в одного из богатейших нуворишей в разоренной стране.

Сам Пётр в результате сделки на крыше с видом на три кладбища получил собственного голема в роли угрюмого телохранителя и по совместительству личного водителя, автомобиль и новую порцию горького, но вполне ожидаемого опыта: богатство не принесло ему ни радости обладания, ни забвения боли. Но Пётр заблуждался, полагая, что именно деньги стали ниспосланным ему испытанием, которое он не смог пройти достойно, искушением, перед которым снова не устоял. И пока Пётр не осознал ошибку, ему оставалось исполнять роль слепого инструмента в чужих руках, которые действительно искушали – но не его, а другого.

(Если бы алхимик предпочитал романы чернокнижным трактатам, он бы наверняка по достоинству оценил шутку судьбы, в которой Мефистофель и Фауст поменялись местами.)

Разгадка тайны алхимической трансмутации, собственно, и была тем ключом, который подходил к замкам всех тюрем этого мира, включая его собственную темницу сожалений по утраченной любви и упущенным возможностям, в которую Пётр добровольно себя заключил. Он всё ещё не понимал, что и был тем самым философским камнем, который изменял природу всех вещей, превращая один элемент в другой – точно так же, как вместо одной картины окружающей реальности можно нарисовать другую. Пройдет ещё немного времени, и Пётр её нарисует.

Десятая глава

От воспоминаний разболелась голова, и той ночью Пётр заснул прямо в лаборатории, опустив пылающий лоб на стол, обитый цинком, а проснулся от выстрелов. Стреляли наверху, топали, что-то неразборчиво кричали, падали на пол, снова стреляли. Пётр протер глаза и с интересом прислушался: хотя ему пришлось недолго общаться с бандитами (гораздо, впрочем, дольше, чем хотелось бы), выстрелов он ещё никогда не слышал. Едва Пётр прислушался, как наверху все стихло, и в напряженной тишине сквозь удары сердца донесся скрип: кто-то спускался в подвал. Судя по тому, как скрипели лестничные доски, шёл довольно грузный человек, а значит, кто-то чужой. Пётр слышал его одышливое дыхание, пока тот стоял за дверью лаборатории, видимо, готовясь войти; сел на стуле прямо и приготовился встретиться взглядом с этим человеком, кто бы он ни был.

Им оказался милиционер, действительно, крайне тучный, а ещё неряшливый: с небритыми щеками, пятнами пота на голубой форменной рубашке под мышками и почти женскими грудями. Фуражку нёс в руке, свободной ладонью вытирая струящийся по лысине пот, а переступив порог, осмотрелся исподлобья. Глубоко посаженные глазки, поблескивающие из-под бровей, цепко ощупали каждый закоулок лаборатории – Петру даже показалось, милиционер увидел, что именно лежит на дне его собственных, Петра, карманов. И этот взгляд, и манера держать фуражку подсказывали, что этот человек не ряженный, он настоящий, как говорили оба Володи, мусор.

– Це не сон, – внезапно сказал милиционер, остановившись напротив стола так близко, что Пётр слышал сложный запах пота, нестиранной формы и ещё чего-то сырого, как будто казенное помещение залило водой. – Якщо тобі здається, що це сон, то це не так. Він хоче тобі щось сказати. Послухаєш?

Пётр на всякий случай кивнул. Милиционер тяжело, как будто это был не живой человек, созданный из жира, жадности, уголовного кодекса и широких костей, а механизм наподобие подъемного крана, развернул живот и плечи в сторону двери и махнул рукой. Оставаясь внешне бесстрастным, Пётр напряженно всматривался в дверной проем. Вот появились ботинки, принадлежащие мужчине, он спускался по ступеням медленно, неуверенно пошатываясь, вот его серые брюки. Следом в подвальной полутьме забелела рубашка, с одной стороны испачканная чем-то тёмным. Чтобы разглядеть получше, Пётр протянул руку и включил лампу над столом.

В дверях застыл, послушно ожидая дальнейших указаний, Игорь Борисович: глаза у него не было, половина лица залита кровью, на пиджаке и некогда белой сорочке виднелись крупные рваные дыры. Милиционер снова махнул рукой, Игорь Борисович сделал два осторожных шага и опустился на стул напротив Петра.

– Кажи, – приказал милиционер, вытирая ладонь о форменные штаны.

– Во-первых, я хотел бы сказать спасибо, – выговорил с трудом Игорь Борисович, очевидно испытывая сильную боль, хотя и не подавал вида, все же он авторитетный человек.

(По крайней мере, ещё совсем недавно, какие-то минуты назад, был им.)

– Время йде, – поторопил его жирный страж. – Кажи дальше.

Игорь Борисович медленно повернул к нему лицо, точнее, ту часть лица, которая превратилась в безглазую маску, вылепленную из застывших комьев, но на милиционера это не произвело особого впечатления, видимо, и не такое видал: он спокойно ждал, нелегко, с присвистом, выдыхая воздух из легких, расплющенных жиром.

– А во-вторых, я должен кое-что тебе рассказать. О том, что такое на самом деле ад. Так вот, алхимик: в аду нет ни котлов, ни серы, ни адского огня. Всё это есть в чистилище. Это такая гигантская лаборатория, в которой очищаются души. Это и есть трансмутация, – он улыбнулся краешком рта. – Но мне туда не попасть.

– Кажи коротше, – снова одернул милиционер.

«Получается, что этот принцип подмены понятий используется повсюду, – сообразил Пётр. – Как будто в головоломке два паззла меняются местами, и хотя общая картина остается правдоподобной, её смысл изменяется самым коренным образом».

– Так вот, ад – это такое место, где ты лишен всего, что было для тебя по-настоящему важным. Для меня самым важным на свете было обладать властью и постоянно ею пользоваться. Иметь больше денег, чем было у всех вокруг. Самый большой дом. Машины. Женщины. Но здесь ничего этого нет. Здесь только пустота и вечная боль от того, что у меня все отняли – и деньги, и власть, и женщин. Я любил спорт, но тела у меня здесь тоже нет.

– Оце мене просили тобі передати, – милиционер махнул рукой, и авторитетный человек Игорь Борисович послушно поднялся со стула. – Надеюсь, що ти пойняв, про що це.

Он развернулся, мощно и тяжело потопав по ступеням обратно, а покойник, не оборачиваясь, послушно шёл следом.

Удивленный, как только может быть удивлен человек, говоривший с мертвецом, Пётр не пошевелился на своем стуле с той самой секунды, как протер глаза и не увидел эту комичную и в то же время страшную парочку в своей лаборатории. А теперь, точно так же, не дрогнув ни единой ресницей, провожал их взглядом – и вот уже их нет, как будто и не было, только остался странный запах сырости и казенных помещений.

Пётр встал, с удовольствием потянулся, хрустнув всеми косточками затёкшего тела, обошел оцинкованный стол и посмотрел на стул, где сидел Игорь Борисович. Под стулом, у самой дальней ножки, виднелось что-то тёмное, явно чужеродное в лаборатории, сверкающей хромом, кафелем и чисто вымытым стеклом. Пётр поднял и рассмотрел под лампой: это был гамбургер, завернутый в бумагу, пропитанную ещё не свернувшейся кровью, замаравшей пальцы. Такие гамбургеры из «МакДональдса» Игорь Борисович всегда приносил для пса.

«Это не сон», – вспомнил Пётр слова толстого милиционера и в этот момент понял, что свободен.

Он огляделся по сторонам: нужно ли ему что-нибудь из лаборатории? Затем вспомнил, что наверху, в его комнате, осталась стопка книг, музыкальные записи и несколько довольно толстых пачек денег, но Пётр откуда-то знал, что деньги ему теперь ни к чему, как и ставшие бесполезными книги.

(Сейчас он бы прочитал, греясь под лучами все ещё тёплого осеннего солнца и надкусывая яблоки из сада Игоря Борисовича, какой-нибудь многословный и правдоподобно написанный роман, но его среди книг романов не было и не могло быть.)

Пётр собрался было забрать кассеты, но снова, сам не зная, почему, решил, что сможет вернуться в этот дом в любой момент, если только захочет. Он не спеша поднялся по лестнице, прикидывая, какие ещё сюрпризы поджидают его наверху. Заглянул в пустую комнату охранников, где слепо мигал зрачок телевизора, как будто удивленный тем, что закончилась пленка в видеокассете, и заметил среди кассетных коробок какую-то толстую книжку. Пётр протянул руку за книжкой и прочитал надпись на обложке: «В поисках утраченного времени». А что, в самый раз. С толстым томиком под мышкой, как студент, Пётр вышел на яркий солнечный свет и тотчас зажмурился, прикрыв свободной ладонью глаза. А когда снова прозрел, то оказалось, что во дворе дома Игоря Борисовича происходит нечто очень странное.

Неподалеку от сарая, там, где Пётр любил сжигать листья, теперь щерилась в небо могила, выкопанная Володей. Сам он стоял рядом, опершись на лопату, как всегда, безучастный ко всему, даже к потокам пота, стекавшим по сероватому лицу. Пётр подошел ближе и заглянул на дно. Узнав Петра, Игорь Борисович слабо улыбнулся уцелевшей частью лица и поднял ладонь, которую тотчас же прибила обратно чернозёмная кучка, брошенная Володей – голем заторопился зарыть в землю своего вчерашнего повелителя, старательно и равнодушно, как и всё, что он делал. Не в силах оторвать взгляд, Пётр стоял и смотрел, как перепачканные чернозёмом пальцы (на безымянном Пётр разглядел массивный перстень из золота) прижимали к груди платиновый слиток.

Остальные слитки, которые Пётр превратил девять дней назад в платину из груды кальция и никеля, рассыпались прямо в траве под ногами. Торопливо, как Володя первый забрасывал землей могилу, Володя Второй перекалывал слитки в багажник автомобиля. Неподалёку от машины небрежно стояли несколько пожилых, помятых жизнью мужчин, сдержанно и тихо говоривших между собой. Когда Пётр появился в дверях, они замолкли и повернулись к нему, разглядывая со спокойным интересом.

– Посмотри на эту книжку, Семён. В самом деле, как студент перед экзаменом, – негромко поделился один из них, похоже, главный из трёх, остальные столь же негромко посмеялись.

Пётр присмотрелся к ним, узнал и рассмеялся в ответ, не веря своим глазам. Невероятно, но одним был школьный преподаватель физики и химии в выпускных классах, Семён Петрович, а другим – оборванец с книжных развалов рынка на Петровке, который подыскивал для Петра редкие оккультные издания.

(На те деньги, которые Пётр оставил за последние полгода на его прилавке, букинист мог бы позволить себе костюм куда приличнее.)

Третьего старика – высокого, с длинными седыми волосами, собранными в хвост, он видел впервые, но Принц, который не подпускал к себе никого, кроме Игоря Борисовича с Петром, спокойно сидел у его ног, глядя с собачьей тоской на похороны хозяина, а потом повернулся к Петру и тихонько заскулил.

– Здравствуйте, Семён Петрович! Что вы здесь делаете?

– Тебя искали. Пришлось потратить немало времени и сил, пока нашли.

– А вы кто такой? – спросил Пётр невпопад человека, который шутил об экзамене и студенте.

– Нас по-разному называют, – ответил тот. – Но всегда неправильно. Вообще-то, мы ангелы-хранители этого города.

– Понятно, – усмехнулся Пётр, которому в действительности совсем ничего не было понятно. – А что вам от меня нужно?

– Мы дряхлеем, – пожал плечами букинист. – Силы слабеют. Нам нужна молодая кровь. Новые люди, которые не позволят городу скатиться в окончательное и бесповоротное ничтожество.

Старик с длинным седым хвостом волос, который показался Петру главным, повернулся к учителю, в мрачной задумчивости подкручивающему левый ус.

– Как ты считаешь, Семён Петрович, он прошел экзамен?

– Я даже не могу вспомнить, кто мог бы додуматься до трансмутации платины. А помню я многих. Так что по химии он экзамен прошел, – усмехнулся Семён Петрович и взялся за правый ус.

– Но тебя что-то беспокоит, как я вижу.

– Меня, скорее, тревожит. Правильно ли он понял послание?

– А ты что скажешь, Библиотекарь? – старик наклонился и почесал собаку за ухом.

Оборванец-букинист пожал плечами, а Петра ударило разрядом мгновенного воспоминания: девушка со смешной причёской пьёт портвейн на подоконнике, грохочет неумело сыгранный рок, книга в чёрном переплёте с золотыми буквами на обложке, долгая счастливая жизнь впереди. Так вот ты какой, Библиотекарь.

– Я думаю, что он и так всё очень хорошо понимает. У меня была возможность поболтать с ним о книгах, которые он у меня покупал. Мало кто вообще понимает, о чём в них идёт речь. В лучшем случае, люди запоминают слова и фразы. А потом просто ими жонглируют, как фокусники, не вникая в смысл. Но даже если он всё прекрасно понимает, всё равно время от времени будет испытывать страшную тоску. А чтобы от неё избавиться, начнет рисовать вокруг себя ту реальность, в которой ему будет хорошо и комфортно. Хотя его предупредили о наказании.

Тот, который спрашивал, в свою очередь пожал плечами.

– Все мы так или иначе прикованы к этому месту. Именно поэтому все мы до сих пор здесь. Рано или поздно он избавиться и от тоски, и от соблазна. Он талантливый. И он молод.

– Минуточку, о чём вы вообще говорите? – Пётр наконец-то нашёлся, что сказать, хотя придумал и не самый оригинальный вопрос.

– Поздравляю, ты прошел экзамен, – ответил Семён Петрович и улыбнулся. – В институт из академического отпуска можешь уже не возвращаться.

– А что же мне делать?

– Живи, – ответил Библиотекарь. – Читай хорошие книжки. С подонками больше не связывайся. Где найти меня или Семёна, ты знаешь. А когда будешь нужен, мы тебя позовём.

– А что с этим? – Пётр показал томиком Пруста на Володю, который как раз сосредоточенно утрамбовывал землю, словно желая навсегда оставить в этой могиле всё своё дурное настроение.

– Если тебе нужна охрана и автомобиль, забирай. Но не думаю, что тебе снова захочется ходить по улицам с телохранителем, – ответил главный, щелкнул пальцами, и вокруг Петра снова вспыхнул круг защитного огня. – Можешь снова лечить людей, если захочешь. Только не бери у них деньги. А теперь иди. Когда ты будешь нужен, мы тебя позовём.

– Когда ты будешь нужен, мы тебя позовём, – эхом отозвался Семён Петрович.

Пётр кивнул, секунду подумал, вернулся в дом и взял свернутое одеяло, которое заметил за дверью ещё в первый приезд сюда. Взяв одеяло на плечо, он пошел было к воротам, но всё же остановился оглянуться ещё раз на трех стариков, измученных непосильной ношей, которую они больше не могли терпеть.

– Прощайте! – ответил Пётр и свистнул Принцу.

Пёс пошел следом, а Пётр с наслаждением вдыхал осенний воздух, пахнувший дымом, и думал о том, что где-то неподалёку он видел поля – они с Володей не раз проезжали мимо. Но если он не найдет в поле достаточно удобное место для того, чтобы разложить в траве одеяло, лечь и забыться до сумерек в книжке, отвлекаясь только на пса – проверить, не собирается ли Принц кого-нибудь съесть, тогда сойдет и окраина кладбища. А яблок можно нарвать по дороге.

Последняя глава

За двадцать или около того прошедших лет Иванна мало изменилась, как ни странно. Только теперь казалась выше ростом, а короткая прическа, похожая на купальную шапочку, и большие очки сейчас как будто приросли к её лицу. Но Киев изменился самым отвратительным образом, хуже того — он менялся безостановочно, год за годом отдавая пядь за пядью старого города с его ностальгическими легендами, прирастая взамен лишь бетоном и стеклом, как будто кто-то решил стереть с поверхности Земли в пределах 50° 27' северной широты и 30° 30' восточной долготы всякое воспоминание о том, каким был город в его лучшие годы.

Однажды, через долгих полтора десятка вёсен, которые в Лондоне не менее прекрасны, чем в Киеве, Иванна случайно встретилась со своим бывшим одноклассником — дело было на конференции, проходившей в старинном отеле в двух шагах от Пикадилли и Грин-парк. Теперь одноклассник брился наголо, потому что волосы со студенческих времён значительно поредели, и страдал от лишних килограмм, но Ivonne K. узнал тотчас же, как только она вышла на сцену с листочками доклада в руках, гибкая и стройная, в элегантном брючном костюме. Ну что же, тем унижительнее он себя почувствовал после, когда подошел к ней во время перерыва на кофе, а Иванна, которая никогда, ничего и никому не забывала, с вежливой и холодной улыбкой всё пыталась вспомнить обстоятельства их знакомства.

(Когда позже они всё же отправились выпить вина и поболтать, по молчаливому согласию не вспоминали недолгий, но вполне страстный роман, который приключился у них на третьем курсе.)

«Представляешь, – говорил он, вертя в пальцах бокал и страдая от острого приступа эрекции и ностальгии заодно, – думал зайти пообедать в ресторанчик неподалеку от Политеха, где мне очень понравилось два года назад, а там уже не ресторан, а компьютерный магазин. Можно с ума сойти, каждый раз приезжаю в Киев, как в незнакомый город. Этот паб, где мы сейчас сидим, стоит на месте больше ста лет, а на родине как будто постоянно меняют декорации под каждое новое правительство».

Об этом, буквально слово в слово, двадцать лет назад говорил Иванне отец: дома все будет постоянно меняться, причем меняться к худшему, неумолимо год от года, поэтому им нужен новый дом, который твердо простоял на земле вот уже сотню лет и выстоит ещё, как минимум, столько же. Но теперь отца не было, и приходилось возвращаться в Киев (к счастью, ненадолго), чтобы похоронить его прах в могиле матери, её бабки, которую Иванна не знала. Иванна любила и хорошо понимала отца, но ей казалось странным, что такой рациональный человек не смог оторваться окончательно от корней, как смогла оторваться Иванна, плоть от его плоти и кровь от его крови. Прилетая в Киев не реже двух раз в год, он завещал оставить часть своего праха здесь.

На жаргоне кладбищенского начальства это называлось «подхоронить» и обошлось в сто евро взятки, которые Иванна брезгливо положила на стол перед директором кладбища – молодым, но уже очень тучным и одышливым мужчиной в кожаном пиджаке.

Киев произвел на Иванну угнетающее впечатление, неразрывно связанное со смертью отца и с хлопотами о погребении, и когда она смотрела теперь на фасады домов, они напоминали ей осыпающиеся надгробия, а вороватый повелитель кладбища казался истинным хозяином города её юности. Посреди потемневших от времени надгробных камней, увитых диким виноградом и плющом, попадались плиты, лоснящиеся дорогим отделочным материалом и кричащей роскошью исполнения, беспардонно воткнутые во всякую освободившуюся пядь городского пространства – конечно же, за взятку, за очень большую взятку, сотней евро здесь было не обойтись.

(Особенно Иванну поразила округлая высотка напротив станции метро «Лукьяновская», напомнившая ей дизайнерский комплект унитаза и сливного бачка из дорогого отеля: очень точная метафора города, утопающего в окурках, пустых бутылках из-под дешевого пива и в потоках мочи.)

Таксист всё время поездок обсуждал политиков и министров, то и дело сравнивая Украину с Европой, где никогда не был. Откуда-то он очень точно знал, какой чиновник, сколько именно миллионов и каким образом украл из тощей государственной казны. С восхищением, непонятным Иванне, таксист рассказывал об этих баснословных людях запросто и с легкой завистью, словно о родичах, которые в одночасье разбогатели и перестали звонить по праздникам менее удачливому кузену: а вдруг попросит в долг?

Иванна сменила такси, но очередной водитель также говорил исключительно о политике и о Европе, а на его лице застыло такое же бессмысленное выражение. Радио магнитолы было настроено на всё ту же станцию с блатными песнями, а в руках новый таксист мял точно такой же дорогой смартфон.

Автомобильное движение на Крещатике было перекрыто по случаю выходного дня, так что Иванна отпустила такси у Бессарабского рынка и прошла до Пассажа, крепко прижимая сумочку локтем: ей захотелось найти полуподвальный магазинчик, где девушка по имени Вика в круглых смешных очках продавала кассеты с музыкальными записями и компакт-диски. Но вполне ожидаемо, магазинчика на привычном месте не оказалось. Как и не было никакого упоминания о том, что в подвале одного из этих домов когда-то репетировали гениальные «Раббота Хо» – ни указателя, ни таблички. История Рима, не интересная и не должна быть интересной варварам, сбереглась разве что в воспоминаниях беглецов, стала неотъемлемой частью личных биографий. Кому ещё, кроме Иванны, может быть интересно время, законсервированное в этих песнях, словно в полотнах художника, замерзшего насмерть в Ботаническом саду той самой зимой, когда Иванна прожила счастливые полгода в доме на Большой Житомирской, последние полгода перед отъездом.

И хотя она не испытывала ни малейшей склонности к ностальгии, наслаждаясь жизнью здесь и сейчас, стало немного не по себе оттого, что так и не удалось отыскать ни малейших следов своего существования в этом городе. Иванну словно бы стёрли из его истории, как стирают компьютерные файлы. Но кто это сделал и зачем? Ответ она получила уже на следующий день.

На следующий день на могиле её бабки должны были установить новую доску. Когда Иванна приехала сквозь послеобеденный зной всё тем же такси (машина осталась ждать на площади, где старухи торговали венками, свечками и букетиками цветов), оказалось, что вороватый директор не обманул: доска действительно была на месте. Немногословная, без излишеств – имя, фамилия, отчество, две даты, в которые легко

поместились последние тридцать девять лет её, Иванны, жизни, да ещё столько же осталось. Гробокопатели были трезвые, а оттого немногословные и сосредоточенные, наверное, с похмелья, когда всё было закончено, Иванна молча дала им денег. Кланяясь и что-то бормоча в небритые подбородки, они ушли, дорогой негромко переговариваясь о чём-то своём.

(Видимо, об опохмелке либо обсуждая подарок, показавшийся им достойным, но можно и больше.)

Она опустила на могилу букет, закурила длинную коричневую сигарету, что теперь позволяла себе крайне редко, и пошла вдоль крестов, камней и оград. Иванна шла без определенных целей и мыслей, просто чтобы снова собрать себя воедино, а затем выйти за ворота, подать нищему, как здесь полагается, сесть, как ни в чём не бывало, на заднее сидение такси и поехать обратно через город, ещё одно большое кладбище. Сигарета кончилась, Иванна подкурила новую, огляделась: пора было возвращаться. Стоило дать себе слабину, как дорожка привела к мусорной куче у забора, который подпирали поломанные ограды, сложенные рядами прямо в заросли конопли и крапивы.

За забором, через узкую деревенскую дорогу, лето раскатало по земле жёлтые ковры полей. За полями виднелись дачные домики, среди которых, как будто золотые зубы, то тут, то там торчали двух- и трехэтажные коттеджи с башенками. По окраине поля бегала огромная мохнатая собака: это поле, эта собака, коттеджи, кучка мусора под кладбищенским забором складывались в воспоминание, что останется с ней навсегда.

«Неужели я всё это увезу с собой?» – спросила себя Иванна, когда над полем и над кладбищем разнесся громкий свист.

Собака застыла на месте, наострив локаторы ушей, и послушно потрусилась назад, к мужчине, которого Иванна из глубины своих непростых мыслей заметила очень не сразу. Выпрямившись во весь невысокий рост, мужчина глядел из-под ладони, высматривая пса, но Иванне показалось, что уже какое-то время он наблюдал издали за ней тоже. Рядом с мужчиной, на расстеленном прямо в траве одеяле, лежала девушка с книгой в руках – наверное, парочка дачников на пикнике, обитатели одного из этих безвкусных коттеджей с башенками, что казались их хозяевам вершиной утонченного стиля.

Когда пёс подбежал, мужчина отнял руки ото лба, который показался Иванне неестественно, по-уродливому большим, чтобы почесать собаку за ухом, а девушка перелистала очередную страницу и потянулась за бутылкой вина. Они перебросились парой слов, но ветер отнёс их в другую сторону, к Кольцевой дороге. Мужчина чесал пса за мохнатым ухом, собака преданно глядела ему в глаза, а мужчина думал о том, что не желает спасать этот город, катящийся в бездну. Он просто хочет жить здесь и сейчас, наслаждаясь каждой минутой, которые пока что удавалось выторговывать у вечности.

Мужчина смотрел на девушку с нежностью, в который раз повторяя себе, что всё это стоит ада. Хотя правильного ответа на этот вопрос, в действительности, он пока что не знал.

Пётр тоже решил выпить вина, пускай бутылка успела нагреться на солнце. Когда он вытаскивал пробку, девушка, оторвавшись от своей книжки, вздрогнула: только сейчас она заметила женщину, судя по всему, заблудившуюся на кладбище, которая пристально рассматривала её через дорогу. Женщина была поразительно похожей на неё, но не точь-в-точь, черта к черте, как тождественны близнецы, а так, как бывают

похожими двойники: видимо старше, немного выше ростом, с короткой причёской, которую она давно хотела сделать, но Петя не позволял.

Как будто ощутив её взгляд, женщина через дорогу бросила сигарету под ноги, резко повернулась и зашагала вглубь кладбища. Наверное, она тоже удивилась странной встрече. Иванна хотела рассказать Пете об этой женщине, так похожей и в то же время не похожей на неё, но Принц наступил на книжку, измяв сразу несколько страниц, а когда Иванна отогнала пса, то уже успела забыть, о чём хотела поговорить с Петей. На самом деле, в такой тёплый, ленивый день ни о чём говорить не хотелось.

Полночный квест

Благодать снизошла на Бориса, когда он дожидался своей очереди в мини-маркете для полуночников, на Адама Мицкевича. Работала только одна касса, кондиционеры молчали, и каждый переминающийся с ноги на ногу покупатель мечтал поскорее оплатить свои бутылки с пивом, которые стремительно нагревались в ладонях. Борис уткнулся в телефон, прислушиваясь к звукам радио, когда благодать волнами начала подниматься вверх по телу, без спросу врываясь в каждую клеточку его организма – как будто некие двери внутри распаивались настежь под напором воды, заливающей всё весёлым потоком. Тело завибрировало и наполнилось мудрой радостью.

«Наконец-то», – вздохнул про себя Борис и спрятал телефон.

Собрав волю в нетвердый кулак, он рассчитался на кассе за свою минералку и вышел в душную ночь. Из темноты на Бориса уставился жёлтый кошачий зрачок полной Луны, фонари мочились прямо на выщербленный асфальт кислым светом, а ветви деревьев, если присмотреться, росли прямо на глазах. Борис сделал несколько глотков воды и решил поскорее шагать домой, пока ситуация не вышла из-под контроля, но в этот момент заметил на асфальте отчётливый символ бесконечности. Заинтригованный, он подошёл поближе, чтобы разглядеть граффити как следует.

Рисунок настолько поразил его, что Борис совсем забыл о решительных планах поскорее добраться до своей в меру уютной однокомнатной квартиры, не поддаваясь

на провокации Вселенной. Граффити пульсировало в темноте, будто подмигивало сообразительному человеку, сумевшему угадать в окружающей повседневности особый знак для посвященных. Борис сделал еще один шаг и увидел, что от символа бесконечности отходит стрелка. Направление, указываемое стрелкой, вело в тёмную арку проходного двора.

Борис понял: вот он, указующий перст судьбы. Он всегда старался отслеживать знаки, которые подаёт ему Вселенная, и не зря – однажды внутренний голос приказал Борису купить лотерейный билет, и тот принёс чудесный выигрыш в пять гривен. (Правда, сам билет стоил тоже пять гривен). Поэтому Борис снова достал из кармана шортов телефон, включил фонарик и бесстрашно шагнул в подворотню. Редкие волоски на его тощих ногах стояли дыбом от возбуждения и предчувствия чудес.

Осветив стены, Борис увидел новое граффити: треугольник со вписанным в него глазом.

«Масонский символ!» – вспомнил Борис и радостно засмеялся.

По телу снова раскатились волны удовольствия, как будто смех разгонял их от живота к грудной клетке и вниз, к ногам. Борис сделал еще несколько глотков из пластиковой бутылки с водой и посветил на асфальт. Луч света выхватил надпись: «SEQUIRE ME», и Борис похолодел от восторга. Когда-то он отбыл целых три семестра в университете, и хотя вместо учёбы занимался преимущественно изготовлением и употреблением кустарных наркотиков, кое-что из курса латыни всё-таки отложилось в его открытой всем ветрам голове.

Борис бесстрашно шагнул во двор, подсвечивая дорогу к неизведанному, и новая указующая стрелка не заставила долго ждать. Спичечные головки фонарей погасли, только в дальнем углу двора, у выхода на Питерскую улицу, одинокий автомобиль рассеивал тьму рубиновыми огнями подфарников. Борис принялся искать следующий знак, который должна была подать ему Вселенная. Наконец, новая стрелка отыскалась. Вела она вглубь двора.

В ближайшие десять минут Борис несколько раз терял направление пути. Кошачий глаз Луны не помогал ему, скорее даже, мешал, скрывая поверхность асфальта в беспокойных, как будто оживших тенях. Со стороны могло показаться, что тощий человек в шортах, поношенной футболке и пляжных шлёпанцах обронил что-то очень ценное и теперь нарезает по двору круг за кругом в поисках пропажи, согнувшись в три погибели и подсвечивая фонариком. Наконец, Борис нашел следующее граффити.

Рисунок изображал перевернутую пятиконечную звезду, вписанную в аккуратный, как будто прочерченный циркулем круг. Пентаграмма, знак дьявола. Борис ощутил, как сердце тревожно забило в кривые ребра.

«Бесы, – запоздало догадался Борис. – Это бесы, я обречён!»

Он развернулся, чтобы бежать обратно, на Мицкевича, к людям и к фонарям, но в этот момент его окликнули из припаркованной машины с рубиновыми подфарниками.

– Молодой человек, подойдите, пожалуйста!

Спорить с инфернальными сущностями было бессмысленным делом, и Борис поплёлся к машине. Действительно, в ней притаились бесы – крупные, грозные, в чёрных одеждах, у одного из бесов на коленях лежал автомат Калашникова.

– Ты смотри, книгочей, – обратился бес с автоматом на коленях к тому, кто выглядел среди троицы inferнальных сущностей наиболее юным. – Сработала твоя замануха, уже третий торчок за смену попался.

Бесы громко, издевательски рассмеялись, а Борис печально думал о том, что иногда Вселенная шутит слишком уж жестоко.

18 1/2, или История кино с Леопольдом Блумом

1

«Улисс» - 800-страничный экспериментальный роман ирландского писателя Джеймса Джойса. Вершина литературного модернизма и первый текст, созданный в эстетике постмодерна, писался Джойсом в эмиграции на протяжении семи лет. Сюжет романа основан на гомеровской «Одиссее», но его герои – дублинцы начала XX века, которые соотносятся с героями поэмы Гомера. Главные персонажи: Леопольд Блум, страхового агент средних лет, который блуждает по Дублину, пока его супруга, певица Молли, изменяет ему со своим антрепренером, и Стивен Дедал, молодой интеллектуал без определенных занятий, в котором легко угадывается портрет художника в юности Джеймса Джойса.

Роман разбит на три части и состоит из 18 глав (в русской традиции улиссоведения - эпизодов), каждая из которых выполняет свою формальную или стилистическую задачу.

Первая часть романа и первые пять эпизодов второй части представляют собой вполне реалистическую прозу, пускай написанную усложненным языком. В дальнейших эпизодах Джойс, опираясь на приём «потока сознания», радикально экспериментирует с формой и стилистикой текста. Чтение романа требует глубокой эрудиции во многих сферах знаний – от истории Ирландии до живописи и теологии: комментарии к русскоязычному изданию «Улисса» занимают свыше двухсот страниц.

Благодаря несмешной шутке о том, что кроме Джойса, его переводчиков и редакторов, на свете нет человека, который смог бы дочитать роман до конца, это объяснение показалось мне необходимым для дальнейшего рассказа. Терпение, мы уже переходим к главному.

Помимо огромного числа литературных и драматургических приемов, в «Улиссе» активно используются приёмы кинематографические. Например, техника монтажа и «сжатия времени». И хотя главный монтажный киноаттракцион – «Броненосец Потёмкин», будет снят только в 1925 году, ко времени выхода романа уже появились фильмы Ланга, Гриффита, Мурнау. Сам Джойс с увлечением следил за успехами молодого искусства кино и даже принимал деятельное участие в открытии первого кинотеатра в Дублине.

«Улисс» подвергался трём более или менее неудачным экранизациям. В 1967 году в Британии одноименный черно-белый фильм был поставлен Джозефом Стриком, а уже в новейшее время, в 2003 году, Шон Уолш осуществил цветную постановку, названную «Bl,m». На авторитетном киноресурсе Internet Movie Data Base можно найти ещё упоминание о фильме «Uliisses» (1982) режиссёра Вернера Некиса, но сам фильм нам разыскать так и не удалось. Вполне возможно, что это банальная мистификация: кроме странички на imdb, больше упоминаний об этом фильме нет.

Биографический фильм Пэта Мёрфи «Нора» (2003) почему-то также упорно относят к «улиссовской» фильмографии. Все остальное – легенды. Например, о том, что роман Джойса собирался экранизировать другой великий реформатор, Сергей Эйзенштейн. Русский перевод первых эпизодов, выполненный Валентином Стеничем, был напечатан в СССР в альманахе «Новинки запада» ещё в год выхода «Броненосца Потемкина», отметим в кавычках.

За одну только попытку экранизации картина Стрика была удостоена семи престижных кинопремий и номинаций, включая Каннскую «Золотую пальмовую ветвь», BAFTA, «Глобус» и «Оскар». Но несмотря на уверения режиссёра в том, что в его фильме нет «ни одного слова, взятого не из книги», его экранизация слишком традиционна, в ней нет и следа от экспериментов литературной основы. Между тем, попытка адекватной экранизации «Улисса» всё же предпринималась.

2

Передо мной на столе лежит VHS-кассета, на которой записан документальный фильм, озаглавленный «По следам «Улисса». К счастью, дублированный на английский язык – поэтому, собственно, мы о нем сегодня и говорим. «По следам «Улисса» рассказывает о вполне героической попытке поставить в Аргентине девяностых годов экспериментальную экранизацию джойсовского романа, в которой все формальные изыски «Улисса» нашли бы адекватное визуальное воплощение.

История началась в 1992 году, когда работающий на телевидении режиссёр Карлос Альберто Сервиан подписал контракт с общественным ТВ Буэнос-Айреса о съёмках цикла телепередач, посвященных постановкам экспериментальных театров страны.

Одним из первых сюжетов стал рассказ об инсценировке фрагментов «Улисса» Иренео Моррисом – молодым театральным режиссёром, склонным ко всякого рода радикальным экспериментам. В фильме есть несколько кадров из этой передачи и фотографии, сделанные во время репетиций, благодаря которым можно получить некоторое представление о постановке.

Например, в спектакле активно использовался видео-арт: изображения дублинских улиц и фрагменты документальных съёмок транслировались на несколько экранов, установленных на сцене.

В этом же телевизионном сюжете показали небольшое интервью с Моррисом. Лысеющий полный мужчина экспрессивно говорит по-испански, единственное понятное слово – «Джойс». (Увы, переводчики так и не додумались пояснить, о чем он, собственно, говорит.) Забегая вперед, отметим, что за долгие годы борьбы за экранизацию «Улисса» Иренео Моррис растеряет остатки волос.

Далее Моррис и Сервиан, уступая друг другу кресло ведущего (но вместе, как я заметил ещё во время первого просмотра, они не появляются в кадре ни разу), рассказывают, что замысел экспериментальной экранизации «Улисса» возник мгновенно, буквально за вечер. Большие поклонники Джойса, они легко нашли общий язык. Например, Сервиан уверяет, что перечитывал «Улисс» не менее дюжины раз, причем и по-испански, и в оригинале. (Во время обучения в Англии он даже предпринял несколько поездок в Дублин – пройтись по блумовым местам.) А Моррис, готовясь к спектаклю, запоминал огромные фрагменты романа наизусть. Все, кто читал книгу, могут оценить его подвиг.

В тот вечер они беседовали до поздней ночи и набросали примерный план дальнейших действий. По словам Иренео Морриса, оба хорошо знали фильм Джозефа Стрика, и обоих неприятно поразил буквалистский подход режиссёра к экранизации текста – притом, что все эксперименты Джойса со стилистикой и формой остались за кадром. («Ни одного слова...».)

«А именно эти эксперименты делают «Улисс» великой книгой», – подчеркивает Моррис.

«Главной задачей было найти такие визуальные решения, которые являлись бы адекватным переложением на язык кино литературных экспериментов Джойса», – в кадре Сервиан нервно приглаживает длинные, зачесанные назад волосы: вальяжный, в прекрасно сшитом белом костюме он напоминает упрямо не желающего стареть пожилого поп-певца.

Так как финансирования не предвиделось, и режиссёры вполне логично подозревали, что в будущем им регулярно придется сталкиваться с проблемой поиска денег для своего заведомо некоммерческого фильма, решено было снимать эпизоды в произвольном порядке, а начать с наименее затратных.

Идеи для реализации первых двух эпизодов «Улисса», с которых режиссёры начали работу над экранизацией, подсказал Сервиан, имевший опыт работы на ТВ. Речь идет об эпизоде 15, построенном в форме пьесы, с диалогами и ремарками, и об эпизоде 7, который организован как серия коротких газетных репортажей с броскими заголовками. (В этой главе романа Джойс пародирует репортёрский стиль письма.)

Вполне естественно, предложил Сервиан, чтобы визуальные решения этих эпизодов отталкивались от телевизионной эстетики. Таким образом, эпизод 15 задумывался театральной постановкой, запечатлённой на телевизионную камеру. (Сервиан на таких телефильмах собаку съел.) А эпизод 7 – как подборка новостийных сюжетов условного ТВ-канала, «Bloom TV Channel», почему бы нет.

Сценарий эпизода 7 был написан за один уик-энд, на невероятном подъеме энтузиазма (подогревом, как вспоминал со смешком Сервиан, океаном крепчайшего кофе с коньяком), решено было снимать его в первую очередь, как только найдутся средства для постановки.

Наполовину съёмки были профинансированы из личных средств Сервиана и Морриса, остальную половину внесло общественное ТВ Буэнос-Айреса. 23-минутный эпизод целиком вошел в документальный фильм, главные роли исполнили актеры, задействованные в театральной постановке «Улисса». Красавец-актер Херман Валентин, похожий на Жана Дюжардена, только с безвольным лицом (Валентин изображал Блума в пьесе и эпизоде 7), через несколько месяцев после окончания съёмок умрёт от сердечной недостаточности, и в дальнейшем облик Леопольда Блума будет меняться еще дважды.

Экранизация эпизода стала остроумным экспериментом, в котором история посещения Блумом и Дедалом редакций нескольких газет показывается в виде анонсов телепередач, рекламного блока и выпуска новостей.

Сначала мы видим анонс реалити-шоу «Приключения страхового агента», в котором Леопольд Блум пытается разместить рекламу винного дома «Ключчи» в газете «Freeman». (Время от времени его общение с редактором газеты, мистером Нанетти, прерывают всплески закадрового хохота.) Затем мы видим рекламные ролики двух газет – «Freeman» и «Evening Telegraph», в редакции которых будут развиваться последующие события эпизода. Стилизованные под наивные рекламные объявления в газетах начала XX века, эти ролики сделаны с большим мастерством и юмором.

Далее начинается стилизованный блок новостей, в котором ведущие комментируют события эпизода, а персонажи поясняют ведущему собственные действия на экране. Как вы, должно быть, знаете, в 1904 году телевидения ещё не было и не могло быть, так что манера съёмки и монтажа телепередачи стилизована под первые эфиры 50-х годов, такой вот получился анахронизм.

Когда я смотрел этот эпизод, мне показалось забавным, как сквозь показную чопорность (свойственную, по мнению авторов, дублинцам начала XX века), то и дело прорывалась южно-американская витальность. Вообще, нельзя не отметить, что большинство персонажей фильма Сервиана и Морриса подозрительно черноусы и смуглокожи.

За исключением кастинга, единственная проблема этого остроумного фильма – недостаток бюджета, из-за чего съемки велись исключительно в павильоне, а костюмы и детали антуража, собранные, что называется с миру по нитке (в театре, на ТВ, у знакомых и родственников), не всегда соответствуют месту и времени действия. Впрочем, опасения Сервиана и Морриса вполне сбылись, и проблемы с финансированием преследовали весь период съемок «Улисса». А внезапная смерть Хермана Валентина, который много лет, как выяснилось, злоупотреблял кокаином, и вовсе затормозила съемки эпизода 15 на несколько месяцев.

Несмотря на то, что это невероятно сложный для экранизации, развернутый эпизод со множеством персонажей, сценарий был написан довольно скоро, по тому же немудрёному рецепту – много энтузиазма и крепчайшего кофе, и не забудьте добавить капельку коньяка. Проблема пришла, откуда её совеем не ждали: договоренности с Рикардо Дарином сорвались в последний момент, а ведь актер его уровня мог бы привлечь серьёзных инвесторов для съемок последующих эпизодов.

Продюсеры с общественного ТВ торопили, и в итоге в съемках этого эпизода роль Леопольда Блума исполнил сам Сервиан. Опыт оказался успешным: известный продюсер Густаво Янкелевич, которому Сервиан показал фильм, пригласил его в качестве актёра на несколько

эпизодических ролей в телесериалах студии «TeLeFe», где со временем Сервиан также начал подрабатывать вторым режиссёром.

Втянувшись в режиссуру «мыльных опер», уже в 1995 году Сервиан поставил на студии «TeLeFe» мини-сериал «Жгучая страсть». Работа над телесериалами приносила значительно больше средств, нежели передачи об авангардном театре для муниципального ТВ-канала. Кроме того, Сервиан заинтересовал проектом экранизации «Улисса» дирекцию «TeLeFe», которая в дальнейшем со значительными скидками предоставляла оборудование и помещения для съёмок нескольких эпизодов.

Впоследствии экранизация эпизода 15 была показана по ТВ Буэнос-Айреса: у Сервиана оставались перед муниципальным каналом обязательства по контракту. Ни этот эпизод, ни следующая работа (постановка эпизода 13, стилизованного под мелодраматический телесериал), полностью в документальный фильм не вошли – только фрагменты. Как пояснил сам Сервиан, права на эпизод 15 принадлежат муниципальному ТВ Буэнос-Айреса, а на эпизод 13 – студии «TeLeFe», на которой проходили съёмки.

Роль Герти Макдауэлл – девушки, которую Леопольд Блум встречает на пляже, исполнила впоследствии ставшая очень популярной актрисой сериалов Исабель Маседо, самого Блума повторно изобразил сам Сервиан. Кстати, в будущем Маседо потребует у Сервиана и Морриса удалить из эпизода сцену, в которой Блум мастурбирует, глядя вслед Герти. Актриса полагала, что не совсем, по её мнению, приличная сцена может навредить карьере.

Плодотворная, не покладая громкоговорителя и хлопушки, работа на студии «TeLeFe» помогла Сервиану пристроить в шоу-бизнес своего коллегу и партнера: он сводит Иренео с известным музыкальным продюсером Эмилио Эстефаном (Сервиана, в свою очередь, с ним познакомил Янкелевич). Весь 1998 год Моррис работает над сценографией концертных туров нескольких поп-певиц, включая набирающую популярность Наталию Орейро, которая только выпустила свой первый музыкальный альбом. По этой причине работа над следующими эпизодами 10 и 11, которые режиссёры решили экранизировать следующими, растянулась на долгих три года.

Отметим, что эпизод 11 оказался наиболее сложным с технической точки зрения. Текст, в котором Джойс с помощью слов пытается моделировать музыкальную форму, Сервиан и Моррис решили экранизировать в виде небольшой, продолжительностью около получаса, оперы.

Либретто было написано Моррисом, причем одним из действующих лиц должен был стать сам Джойс (в юности довольно популярный певец) – согласно задумке режиссёров, создатель будет комментировать поступки и мотивы своих персонажей. Несмотря на отдалённое внешнее сходство, решено было загримировать под Джойса самого Морриса. К слову, ни Моррис, ни Сервиан петь не умели и, к счастью, не собирались, звуковую дорожку должны были озвучивать профессионалы. Начались поиски композитора и снова, по недоброй уже традиции, денег на постановку.

Предполагалось, что съемки эпизода 11 пройдут в одном из павильонов «TeLeFe», стилизованном под антураж «Ормонда» – дублинского ресторана начала XX века. Сам ресторан был подробно описан Джойсом, а кроме того, Моррис собрал немало материалов – фотографий,

рисунков, писем и мемуаров, с помощью которых планировал воссоздать оригинальный декор. А дружеская помощь Янкелевича и других функционеров студии «TeLeFe» позволяла наконец-то решить наболевшую проблему костюмов и деталей интерьера. Но в этот момент у Сервиана и Морриса возник первый конфликт.

3

Параллельно с подготовкой съёмок эпизода 11 режиссёры работали над эпизодом 10 – в нем Джойс отслеживает, что делают в текущий момент герои его романа, разбросанные по всему Дублину. Этот эпизод, сам по себе очень кинематографичный, даёт синхронный срез событий, происходящих одновременно в разных местах. Сервиан предложил решение с полиэкраном, когда в одном кадре одновременно мы видим четыре различные сцены, которые меняются время от времени, как на дисплее камер слежения. Чтобы не усугублять хаос в кадре, неизбежный при использовании полиэкрана, Сервиан задумал ввести субтитры, которые бы комментировали события. Например, «Дублин, 15:02 (и непременно чтобы с секундомером, как на мониторах камер слежения), Буян Бойлан садится в карету извозчика и едет к Молли Блум».

Этот эпизод можно было сделать в кратчайшие сроки, попросту смонтировав уже готовые кадры. Разумеется, без досъёмок, пускай незначительных, не обойтись, но изначальная концепция использования «картинки» низкого качества изображения позволяла сэкономить на декорациях, костюмах и гриме – кое-где можно было и вовсе использовать фотографии, так что сэкономить существенно. Помимо этого, Сервиан предложил концепцию эпизода 17, построенного по принципу катехизиса, на вопросах и ответах, которая обыгрывает телевикторину, однако не учёл того, что Иринео за все эти годы уже тошнило от телевидения.

«Я по-прежнему уверен, что экранизация джойсовского романа, перенесенная в плоскость телевизионной эстетики, вполне оправдана. – Сколько лет прошло, но в голосе Сервиана по-прежнему дребезжала обида на бывшего друга и партнера. – Если роман «Улисс» является, в некотором роде, символом культуры начала XX века и вершиной её достижений, то в преддверии XXI века таким символом и такой вершиной является телевидение».

Мысль, конечно же, спорная, из Аргентины виднее, но как объяснял сам Моррис, в таком подходе чрезмерно медиа-технологий, слишком мало джойсовского духа.

«Наш фильм перестал быть фильмом как таковым, – с горечью признавал Моррис. – Я пошёл на уступки Сервиану, чтобы сохранить проект, но этот компромисс стал началом конца».

Понимая, что теряет контроль над фильмом, в который вложил слишком многое, Моррис выступил со встречным предложением. Пока идут переговоры с композитором Хорхе Андресом Боссо, который сам разыскал режиссёров и выказал желание поработать над партитурой к эпизоду 11 (на сей раз переговоры увенчаются успехом), почему бы им не воспользоваться паузой, постараться забыть противоречия и не поработать над сценариями оставшихся эпизодов?

Жаркой зимой 1999 года Моррис и Сервиан запираются в доме Морриса в итальянском пригороде Буэнос-Айреса, чтобы поработать над сценарием самого сложного, 14-го эпизода романа. Снова полагаясь на вдохновение и на крепкий кофе, они планируют закончить эту работу за несколько недель. Вдохновение не оставило режиссёров, а вот бывшее взаимопонимание оказалось иллюзорным.

Напомню, что эпизод 14 состоит из 32 фрагментов текста, каждый из которых моделирует определённый стиль английского языка, начиная от первых переводов средневековых текстов с латыни и заканчивая городскими жаргонами начала XX века – такая себе эволюция английского в миниатюре. Моррис вполне справедливо рассудил, что в экранизации «Улисса» именно этот эпизод должен стать ключевым.

«Сегмент фильма, поставленный по эпизоду 14, должен был представлять собой 32 фрагмента, которые бы последовательно иллюстрировали определенную веху в развитии кино, каждый свою, от монтажа аттракционов Эйзенштейна до кажущейся безыскусности Триера», – подчеркивал Иренео, и его глаза снова воспламенялись безумным огнем, как будто и не было вовсе всех этих лет разочарований и неудач.

По словам Сервиана, список режиссёров, которые оказали существенное влияние на развитие искусства кино, и чей творческий почерк вполне поддается стилизации, был составлен постановщиками многострадального «Улисса» довольно быстро и без особых споров. Сервиан даже сохранил блокнот, страницы которого исчерканы великими именами: не в силах скрыть волнение, режиссёр показывает блокнот камере, перелистывая страницы беспокойными пальцами. За спиной Сервиана – огромные стеллажи с видеокассетами, и глядя на эту коллекцию, легко поверить, что режиссёру было из чего выбирать. (Если, конечно же, он не хранил на этих кассетах копии телесериалов, поставленных им в несколько даже пугающем количестве.)

После того, как список режиссёров, чья манера будет скопирована в эпизоде 14, был более-менее утвержден (хотя Моррис, например, на дух не переносил фильмы Гринуэя, ему пришлось согласиться с тем, что

гринуэевская мания каталогизировать явления и предметы придется в «Улиссе» к месту), началась разработка сценария. И вот здесь снова возникли затруднения.

В романе действие эпизода 14 происходит в роддоме: главные герои выпивают в компании студентов-медиков и ведут неспешные разговоры о том, о сём (а где им еще выпивать, в самом деле, когда дело касается рождения английской литературы?), так что Моррису вполне естественным показалось перенести действие эпизода из роддома в кинотеатр. Сервиан согласился, или сделал вид, что согласен, но выступил со встречным предложением. Так как в этом эпизоде столь необходимое для кинофильма действие попросту отсутствует, отчего бы не раздробить на 32 сегмента не сам эпизод, а всю историю, описанную в «Улиссе», целиком?

В идеале экранизация этого эпизода могла бы стать самоценной полнометражной картиной, отображающей, словно в миниатюре, вселенную «Улисса». В самом деле, не прощали, вопрошал с экрана Сервиан, нервно приглаживая длинные волосы, сосредоточиться на одном проекте? Моррис же настаивал на сохранении оригинального сюжета, и это непримиримое, как оказалось, разногласие увенчало всю эту трагикомическую историю финальным титром.

«Сценарий эпизода так и остался недописанным», – печально резюмировал Иренео Моррис с экрана моей старенькой видеодвойки.

Венчик поседевших волос вокруг лысины, блестящей в неумело выставленном свете, придает ему сходство со святым, мучеником от кинематографа. Несмотря на все изъяны VHS-картинки, в глазах Иренео легко читается печаль и мудрость человека, так и не отыскавшего достойного применения своему таланту, который так и не пришелся ни ко времени, ни к месту.

Но прошло время, и раны, нанесённые самолюбию, успели затянуться и даже почти не болели, и Сервиану всё-таки удалось уговорить своего бывшего друга и партнера встретиться и поговорить. На тот момент они с Моррисом не общались около полугода, хотя периодически сталкивались в кафе киностудии, в офисах или съёмочных павильонах, холодно раскланиваясь друг с другом, не подавая руки.

«Я ему сказал в тот вечер: если всё равно нет никакой надежды прийти к единому мнению, почему бы не зафиксировать все наши усилия, чтобы они не пропали впустую? – вспоминал Сервиан. – Давай забудем все обиды и расскажем о том, как всё это было. Ради всех тех, кто любит великую книгу Джойса так же, как мы с тобой».

На этот раз они пили коньяк, не смешивая с кофе, он и без того горчил. Сервиан обещал найти финансирование для съёмок документального фильма и монтажа готового материала, готов был отказаться от прав на уже отснятые эпизоды, он устал, он потерял к этой безумной затее интерес, у него давным-давно созрели совершенно другие планы. А Моррис воспринимал к тому времени экранизацию «Улисса» как некий мета-фильм, который должен объединить художественную картину со всеми возможными медиа, включая интернет-сайт, CD-ROM с улиссовской энциклопедией, компакт-диск с записью мини-оперы из эпизода 11, и так далее. Стоит ли говорить, что на осуществление столь мегаломанского проекта у Морриса не было денег, и Сервиан, слушая своего друга, прекрасно понимал, что одержимость Морриса уже перешла в ту безнадежную стадию, когда годами пестуемая мечта становится слишком совершенной для того, чтобы воплотить её в жизнь.

Сервиан выполнил своё обещание, и теперь каждый, кто любит великую книгу Джойса так же, как я, может увидеть поучительную историю о том, как не был снят, наверное, самый великий фильм XX века – фильм, который мог бы вместить в себя всю историю кино.

Волшебники

В тот вечер их ждала обычная работа – в меру бессмысленная, как это часто бывает в редакциях газет. Задание, которое могло обернуться триумфальной первой полосой либо закончиться ничем – как чаще всего и случалось. Впрочем, жизнь одного газетного номера редко длится дольше дня, и уже на следующее утро и торжество, и неудача одинаково бесследно растворяются в суматошной рутине.

Сам главный редактор газеты послал на это задание Антона Палахнюка вместе с редакционным водителем Василичем. Главный – властный мужчина без шеи, с крючковатым носом, похожий на идола людоедского племени, узнал, что этой ночью будут вывозить имущество из поместья проворовавшегося министра. Откуда главный узнавал информацию подобного рода, Палахнюк никогда не задумывался. Важно было только, что иногда главный оказывался прав.

Минут двадцать перед выездом они готовились в переговорной комнате, напоминающей большой аквариум, как большие рыбы, прильнув к столешнице с разложенной картой: Антон, усатый Василич и Ванюша Писаренко. Внук известного украинского музыковеда, награждённого дачей в Конче-Заспе ещё в те дремучие времена, когда проворовавшихся министров расстреливали, Писаренко помогал им выбрать место для засады.

Теперь они сидели в этой засаде вот уже около часа, от скуки прикуривая одну сигарету от другой и разглядывая огромное поместье с четырёхэтажным домом, бассейном

и несколькими хозяйственными пристройками. Возле забора ожидали несколько грузовых машин для перевозок, так что главный не ошибся. Палахнюк сделал несколько снимков (грузовики на фоне забора и дома) и теперь терпеливо ждал, что же будет дальше.

А дальше из дверей дома вышли несколько крепких лысоватых мужчин в тёмных костюмах. В руках они несли ружья. Один из мужчин показал рукой в направлении редакционной машины, как-то очень буднично приложился к ружью и выстрелил. Пуля просвистела над головой, срезав несколько кленовых листков, которые спикировали к ногам Палахнюка. От неожиданности он выпустил сигарету из пальцев, и тут же грохнул следующий выстрел.

Василич уже заводил машину. Палахнюк прыгнул в консервную коробку «Москвича», захлопнул двери уже на ходу, нервно оглядываясь на догонявший их джип. Один из лысоватых мужчин высунулся из окна и весело смеялся, делая вид, что прицеливается в «Москвич» указательным пальцем. Выжимая из машины всё, что мог, Василич громко материл и самого Антона, и главного, и свою работу, но Антон уже сообразил, что никто не собирался их убивать – просто отгоняли, как бродячих собак.

Через пару минут джип остановился поперек дороги. Лысоватые мужчины в тёмных костюмах, ухмыляясь, махали им вслед в сумерках, что опускались на пыльную дорогу, как занавес. Когда через полтора-два километра они пробili заднее правое колесо, Палахнюк почему-то не удивился. Запасной покрышки, конечно же, не было.

Они разошлись позвонить своим начальникам, как обычно отходят от машины в разные стороны, чтобы

помочь.

– Ну, что дальше? – задал Василич самый главный вопрос.

– Танечка говорит, неподалеку есть мотель. Мы там можем переночевать, чеки завтра сдадим в бухгалтерию. Утром Степаныч привезёт запаску.

Танечкой в глаза и за глаза называли редактора Палахнюка, Татьяну Бунину. Степаныч – это был второй редакционный водитель. А что такое запаска, вы и сами знаете.

Василич с минуту подумал, махнул рукой и еще минут десять собирал в большую спортивную сумку свой скарб, спрятанный в бардачке, за щитками от солнца, на заднем сидении, в багажнике и еще во множестве разных мест. К счастью, они не успели далеко отойти, когда Василич вспомнил, что забыл магнитоу, и только минут через тридцать или сорок прогулки вдоль трассы они наконец-то дошли до придорожного комплекса, в котором нашлось место и ресторанчику, и мотелю.

Парковка перед мотелем оказалась плотно заставленной автобусами и фурами, а в поле за мотелем, несмотря на сгустившуюся тьму, угадывались разборные торговые палатки и большие шатры, похожие на цирковые.

– Что это у вас? – спросил Палахнюк одного из водителей, указав подбородком в направлении поля.

Сидя на ступеньках разрисованного микроавтобуса, водитель с седым чубом, не скрываясь, набивал сигарету травой. Вполне ожидаемо, отреагировал на вопрос он не сразу: сперва иронически оглядел Палахнюка, потом водителя. Разговаривать он решил только с Палахнюком.

– Ярмарка, – ответил коротко. – Но на сегодня уже всё. Будешь?

Палахнюк секунду подумал и отказался: вселяться в гостиницу хотелось с ясной головой, чтобы ничего не напутать с бумагами для отчетности. Им повезло: несмотря на ярмарку, оставались свободными два одноместных номера, относительно недорогих. Не прощаясь, Антон и Василич разбрелись по своим комнатам.

Приняв душ, Антон решил выбраться в ресторанчик пообедать. В дверях он столкнулся с водителем: прихлебывая пиво, Василич тащил в свободной руке кулёк, в котором угадывались дары круглосуточного магазинчика возле заправки.

«Ну что ж, – подумал Палахнюк, – спокойно пообедаю».

Но спокойно не получилось. Когда Антон раздвинул плотный занавес за входной дверью, замер на пороге, оглушённый. Кроме традиционных дальнобойщиков, не поднимавших голов от тарелок, и нескольких проституток за столиками у входа, которые пили свой кофе, как будто в витрине, в ресторанчик набился шумный, весёлый и пёстрый народ. Из колонок выпрыгивала какая-то разухабистая музыка и скакала по столикам, по плечам и головам посетителей. Антон невесело подумал о том, что недостает только цирковых артистов и дрессированных животных. Голова кружилась от шума, но пряный дух еды не позволял уйти.

Антон не сразу, но всё-таки отыскал свободный стул возле одного из столиков, за которым расслабленно пил пиво краснолицый мужчина.

– Не занято у вас?

– Садись, – махнул рукой тот и передал ему меню.
– Вот, даже меню есть.

– А кормят здесь как?

Тот пожал плечами и задумался. Присмотревшись, Антон узнал того самого водителя с поседевшим чубом, кутившего траву на парковке, и рассмеялся.

– Да, я уже понял.

Антон заказал себе солянки с горячим, только из печи, лавашом, прожаренный стейк и картошку по-селянски. Подумав еще немного, попросил двести граммов коньяка. Через полчаса Антон допивал с чубатым водителем, который представился Толиком, второй графин. Коньяк оказался на удивление неплохим.

– Мне, Антоша, много пить нельзя, – сообщил Толик, опрокинув в рот очередную рюмку, а пил он залпом, морщась, будто от водки.

– Всем много пить нельзя, – подумав, согласился Антон.

Усталость ушла, снова все вокруг стало интересным. Палахнюку не было нужды возбуждать в себе жадность к новым впечатлениям и знакомствам, мир и без алкоголя сверкал для него всеми звёздами, радовал, озадачивал, дразнил и, к счастью, временами пугал. Адреналин и алкоголь придавали его организму дополнительные мощности.

К этому моменту он уже знал о своём новом приятеле если не все, то многое: Толик был и фокусником, и клоуном, и музыкантом – талантливым цирковым артистом-одиночкой, который не мог ужиться ни в тощем государственном цирке, ни в прибыльном «Кобзове».

Много лет колесил в своем микроавтобусе по стране, время от времени наведываясь то в Польшу, то в Чехию. Выступал на ярмарках, в парках аттракционов, иногда просто на рыночных площадях. Сам ставил шатер и продавал билеты, а после выступления убирал мусор, оставшийся от зрителей, и складывал инвентарь обратно в автобус. Дрался с местными хулиганами. Очаровывал ментов. Безошибочно вычислял в кабаках представителей местной администрации, чтобы обаять всех за столиком, выпить за их счёт и договориться о номере в гостинице или о месте для выступления.

– Если я много пью, мой дар ослабевает, – пояснил Толик.

– Понятное дело, – согласился Антон. – Точность не та. Снижаются реакции.

– Мои реакции никуда от меня не денутся, – покачал головой Толик.

Внезапно он подхватил коньячный графин, взвесил на ладони и подбросил. Следом полетела рюмка. Затем он выхватил из рук Палахнюка, который только допил свой коньяк, вторую рюмку, свободной рукой принимая пикирующий графин и мягко, как будто кот, играющий мышинным тельцем, снова подбросил в воздух. Не дрогнув ни единой морщиной на лице, Толик жонглировал движениями точными и выверенными, седой чуб колыхался в ритме круговорота рюмок и графина над столом. Продолжая жонглировать, он поставил рюмки обратно, где взял: одну перед восхищенным Палахнюком, другую перед собой, заставил графин трижды перевернуться в воздухе, поймал над самой столешницей, чётко выдержав паузу, и помахал пустым графином в воздухе.

– Светочка! Давай еще двести!

Палахнюк не удержался и захолопал, как будто впервые, по-летнему остриженным дошкольником, оказался в цирке. Хлопали за соседними столиками. Положив грудь на барную стойку, звонко хлопала в полные ладони барменша Светочка. Снова выдержав паузу, Толик поднялся из-за стола и царственно раскланялся.

– Я ведь не просто фокусник, я волшебник, – продолжал Толик, разливая принесённый Светочкой коньяк. – Я учился тайным наукам у настоящего мага. Правда, Бог не дал мне настоящего таланта. Так, небольшой дар. Народ на ярмарках развлекать.

Антон улыбнулся. В любой ситуации он старался принимать правила игры.

– Расскажи, Толик.

– О чем тебе рассказать, дружище?

– Расскажи о том, где можно встретить настоящего мага, – попросил Антон, стараясь не улыбаться. – И как у него можно выучиться на волшебника.

Толик покачал головой.

– Ты всё равно не поверишь. Давай я лучше тебе еще кое-что покажу. Ну-ка, подай свою бейсболку.

Рядом на скамейке лежала старая, потерявшая форму бейсболка, которую Антон бросил, не глядя, как только занял место за столом. Толик положил шапку на столешницу, прибил кулаком и крикнул что-то на латыни, похожее на пословицу. И в этот момент бейсболка задрожала, начала набухать, словно под ней вырастал

комков теста, зашевелилась и опрокинулась. На том месте, где только что бесформенным блином лежала шапка, теперь сидел застенчивый кролик серого окраса и шевелил ушами.

«Стол с секретом!» – догадался Палахнюк.

Он заглянул под стол, но там ничего не было. А Толик брезгливо смахнул кролика на пол, снова прибил бейсболку кулаком, выкрикнул латинскую пословицу, и снова на столе из ниоткуда появился новый кролик, только теперь белый, с красными, будто от бессонницы, глазами. Дальнобойщик за соседним столом взял серого в огромные ладони и кормил листьями салата из своей тарелки, словно не было на свете вещей более обыденных, чем волшебник в придорожном кабаке.

Толик продолжал стучать по столу и выкрикивать смутно знакомые слова; его лихорадило, по побелевшему от напряжения лицу ползли крупные капли пота, а на столе и вокруг теперь суетился целый выводок кроликов.

– Хватит! – крикнул Антон. – Пожалуйста, прекрати!

Обессиленный, Толик откинулся на спинку стула. Не глядя, протянул руку за графином и плеснул остатки коньяка в рот.

– Толичек, так я кроликов заберу? – деловито спросила Света с мешком наготове.

Тот молча кивнул.

– Вот спасибо, мальчики. Сейчас ещё принесу коньяка. За счёт заведения.

– Не надо, – хрипло отозвался Толик. – Пошли на

воздух.

Он тяжело встал из-за стола, пошатываясь, дошел до входной двери и с усилием отбросил край занавеса в сторону. Палахнюк, совершенно протрезвевший, тупо смотрел на свою бейсболку. Помявшись немного, аккуратно сложил, спрятал в карман куртки и быстро огляделся, проверить: и правда розыгрыш? Вот сейчас наконец-то все рассмеются, начнут хлопать его по плечам и угощать пивом, а он тоже посмеется вместе со всеми, но позже.

Ничего подобного, каждый был занят своим делом. Вокруг шумно ели, разливали под столом деревенский самогон, звонко чокались и громко пили, в перерывах перекрикивая музыку. Наконец-то закончился диск с разухабистой музыкой, и зальчик ресторана, пропахший алкоголем, едой и потом, рассек надвое пронзительный, словно сигнализация, визг. Это на кухне резали кроликов. Палахнюк отбросил занавес и вышел следом за волшебником, в прохладу ночи, к цикадам и комарам.

Потом они сидели на корточках, привалившись спинами к разрисованному борту микроавтобуса, и курили на двоих одну сигарету с травой. Антон выпускал дым в небо, любуясь звёздами.

– Попал я туда очень просто, – рассказывал волшебник, – по объявлению в газете. Точнее, это было не объявление, а обычная головоломка на последней странице. Нужно было вписать цифры в магический квадрат и объяснить смысл печати Соломона. Оказалось, я всё правильно ответил, и меня пригласили на собеседование. Это было в 1995 году, в актовом зале обычной средней школы. Занятия вёл щуплый, низкорослый человек, почти мальчик, с огромным лбом, как у Франкенштейна. На всю жизнь его запомнил. Ты

слушаешь?

– Конечно. А разве тебе можно об этом рассказывать?

– Этот щуплый, который вёл занятия, как-то сказал мне, что я могу рассказывать кому угодно – всё равно никто не поверит.

Палахнюк засмеялся. Он вытащил из кармана пачку сигарет, но пачка оказалось пустой. Смял и сунул обратно в карман.

– Люди, которые учились вместо со мной – я больше никогда их не видел. Да и сам я недолго там задержался. Оказалось, у меня очень скромный дар, и настоящим магом мне никогда не стать. Я не могу менять погоду, говорить с животными или мертвецами, и так далее. Я умею только плодить кроликов и делать бритвы.

– В смысле, делать бритвы? – переспросил Антон.

– Ну как? Берёшь старый станок, который уже не бреет. В полнолуние кладёшь его в коробку из дуба. Засыпаешь землёй. Землю надо взять в третий Лунный день на могиле бородача.

– А как ты узнаешь, носил покойник бороду или нет? – снова перебил его Палахнюк. Он боролся, как мог, с навалившейся тупой усталостью и смысл слов понемногу ускользал: слишком долгим и насыщенным был этот день.

– Так ведь на могиле должна быть фотография, – засмеялся волшебник. – Не сбивай меня. Точно в следующее полнолуние достаёшь бритву из коробки – как новенькая. Будто только что с завода. И никогда не тупится.

– И как тебе... со всем этим живется? – осторожно спросил Палахнюк.

Волшебник помолчал.

– Да нормально... Когда не сезон для выступлений, сижу дома. Продаю на базаре кроликов и бритвы. Траву курю, стихи сочиняю. Ладно...

Он тяжело поднялся и хрустнул суставами.

– Завтра рано вставать, пора бы уже и отдохнуть. Тебе насыпать с собой?

– Нет, спасибо. Мне тоже рано вставать и с утра куча дел. Дай лучше сигарету, мои закончились.

– Подожди минутку, – волшебник открыл двери микроавтобуса, покопался внутри и протянул Антону два бритвенных станка.

– А зачем два? Ты же говорил, они никогда не тупятся.

– Вдруг потеряешь, вторая бритва будет запасная. Ну, пока.

Они пожали друг другу руки. Волшебник полез спать в чрево микроавтобуса.

«Значит, никогда не тупятся», – усмехнулся Антон краешками губ, рассматривая бритвы, в которых, как не вглядывайся, не было ничего волшебного. Бритвы как бритвы.

Он ещё немного посидел на ступеньках гостиницы, докуривая сигарету и перебирая в памяти все события сегодняшнего дня. Это был ежевечерний ритуал: проверить, правильно ли запомнил детали, которые

могут показаться важными в будущем, дословно фиксируя в уме услышанные фразы. Утренний разговор с Димой Фиалковым в киноклубе. Номер джипа, который их обстрелял. Время, когда они с Василичем вселились в гостиницу. (Впрочем, время должно быть отмечено в чеке.) Фиксировать бесполезные факты – неотъемлемая часть его работы.

Антон смотрел в тёмное небо, раскладывал по полочкам памяти всё, что ему рассказал волшебник и думал о том, что сам он, на самом деле, точно такой же неудачник. Рожденный творить чудеса – создавать и разрушать силой воображения собственные миры, а потом переносить их на бумагу, радуясь каждому удачно подобранному слову и мучаясь, когда эти правильные, казалось бы, слова сплетаются в вялые и банальные фразы. Но вместо чудес он вынужден делать в газете какие-то смешные, нелепые вещи. Плодить кроликов и затачивать одноразовые бритвы.

Антон погасил сигарету и пообещал себе в ближайший же выходной день снова засесть за недописанный роман, к которому не прикасался много месяцев. И, конечно же, когда наступил выходной, не выполнил обещания.

Наш расёмон

Моим друзьям по киноклубу

Тем летом по восточным окраинам ползла война, пожирающая, словно рак, страну и людей, но те киевляне, которые не читали газет и не смотрели телевизионные выпуски новостей, продолжали жить как ни в чем не бывало: днем сидели в своих конторах, вечерами гуляли по улочкам Подола, ночью – вдоль Пейзажной аллеи, выпивали, мирились, ссорились, ходили в гости, на концерты и в кино.

Я тоже не смотрел телевизор, но каждый день читал новости в интернете и Facebook, а потому пил больше обычного, совсем не по карману администратора маленького, на сотню мест, киноклуба, где тем летом трудился. Дважды в неделю арендовал зрительный залчик в коммунальном кинотеатре, распечатывал на домашнем принтере программку показов DVD из собственной коллекции, лично продавал билеты у входа в зал, а когда наступало время сеанса, перед тем, как призвать на наши головы тьму, нажимал кнопку Play – и растворялся вместе со всеми в мерцающем экране, среди знакомых теней.

(Если ты прожил треть своей жизни наедине с призраками, сотканными из света, наблюдая из темноты игры мертвецов на освещенном экране, то со временем и сам превращаешься в потустороннее существо – ты теперь не просто бездельник и эрудит в областях бесполезных знаний, ты проводник в иные миры.)

А еще мне очень нравится, что в маленьком просмотровом зальчике сталкиваются люди, которые редко пересекаются даже в нашем городе, тесном, словно декорации кукольного спектакля. Вот дожидается очереди доморощенная рок-звезда средних лет – живет с родителями, раз в месяц выступает со своей группой в каком-нибудь потном пивном притоне, но все никак не растеряет задора юности. Следом бородатый юноша в очках, руки густо покрыты татуировкой. А вот преподаватель кафедры философии одного из институтов (все забываю, какого именно) занял место в хвосте недлинной очереди и приготовил деньги на билетик для себя и своей студентки.

После сеанса я собирал пустые бутылки, потому что тем летом мои зрители тоже много пили, выравнивал стулья в ряд, выключал аппаратуру, запирали двери и заглядывал напоследок в буфет кинотеатра с крошечной летней площадкой, не больше железного рубля. Тем вечером я попросил коньяк и две чашечки эспresso, как Де Банколе в последнем на тот момент фильме Джима Джармуша, и наплевать на заземляющую манеру буфетчиц говорить «экспresso».

Несколько зрителей из постоянных уже успели занять оба столика и теперь призывно махали руками: звезда рок-н-ролла со своей подругой – женщиной броской, цыганской красоты, собиратель редких книг Савва, журналист Палахнюк, регулярно утомлявший меня своими фантастическими рассказами. Я порадовался новым людям и улыбнулся: на рок-н-рольной голове красовался такой же смешной хохолок, как и на герое японского фильма, которого все мы только что наблюдали на экране.

– Году где-то в девяносто третьем, – задумчиво проговорил, поглаживая висок, мужчина примерно моих лет, немного младше. – Или в девяносто четвертом.

Стильная небритость, кривая ухмылка, очень внимательные глаза. Мы познакомились, и я вспомнил его фамилию – он выпустил когда-то дорожную книжку комиксов, в ней Кафка превращался по ночам в гигантского робота-жука. Как странно: графику его отличал гротескный стиль, будто искаженный широкоугольным объективом, как в том японском фильме, который я крутил в тот день. Он представил подругу или супругу, я не расслышал, красивую рыжеволосую Нину, и повторил специально для меня, что уже смотрел японский фильм двадцать лет назад.

– Странное дело, – улыбнулся художник. – Раньше этот фильм был с совершенно другим сюжетом. Видеоряд целиком тот же самый. Но вот смысл происходящего – совершенно другой.

– Ты нас разыгрываешь, – засмеялась, очень мягко и вызывающе, его жена или подруга. – Как всегда.

Миша потер висок, как будто голова его была волшебной лампой с розыгрышами, снова улыбнулся и рассказал о том, как двадцать лет назад его компания по Художественной академии открыла для себя киберпанк. Наглые, способные, центровые, все они преувеличенно бодро владели английским и любили дружить с иностранцами, так что прочесть в оригинале Уильяма Гибсона для них не составляло проблемы. В его книгах они ощутили пресловутое дыхание будущего – пускай до появления микропроцессора «пентиум» оставалось каких-то три года, все эти компьютерные устройства и микрочипы, внедренные прямо в мозг, тогда казались им такой же фантастикой, как и путешествие в Японию, где все они, рано или поздно, все-таки побывали. (Кто не умер от героина.)

Так вот, году в девяносто третьем или девяносто четвертом знакомые студенты университета Шевченко однажды привели их в маленький кинотеатр на Чоколовском бульваре, неподалеку от общежития журфака, где как раз крутили японский фильм в их любимом стиле.

– А сегодня я увидел этот фильм с совершенно другим сюжетом.

Теперь рассмеялся собиратель редких книг Савва. Похожий на хиппи, чудом пережившего все искушения жизни в свободе и в любви, Савва внимательно слушал эту историю за соседним столиком, потягивая маленькими глотками «Финляндию» из стопочки.

– Извините, – подал он голос, – что подслушал ваш разговор. Но я тоже очень сильно удивился. Потому что сегодня, Лёша, вы показывали совсем другой фильм. Не тот, который я видел двадцать лет назад. Кстати, в том же самом кинотеатре на Соломенке.

Я почувствовал холод, стекающий по спине вдоль позвоночника.

– И это был не киберпанк, а фильм про якудза.

Художник обернулся к Савве, его взгляд упал на стопку недопитой водки, в глазах появилась печаль. Тогда он поднес к губам свой стакан и глотнул воды без газа.

– Это совершенно потрясающе, – Миша громко рассмеялся, запрокинув голову. – Скажите честно, вы меня разыгрываете?

– С чего бы это, – Савва неприязненно передернул худыми плечами.

А я, извинившись, вышел из-за стола. У меня тоже была своя история.

В этой истории я зарабатывал на хлеб, притом скудный – впрочем, как у всех нас той весной 1994 года, озвучкой переводов пиратских кинолент, во всех смыслах очень плохих. В небольшой конуре позади зрительного зальчика, рядом с проекционной, где складировали сломанные кресла и афиши перестроечных фильмов, пропахшие плесенью, для меня поставили уцелевшее кресло и шаткий столик с настольной лампой, подсматривать в листы с переводом. На грудку стульев я набросил старый мат, который нашел в кладовой – а вдруг придется отдохнуть, укоренил столик сплюснутым коробком из-под спичек, огляделся и почувствовал себя как дома.

Стол был узок, бутылки приходилось ставить на пол, вполне естественно, они опрокидывались, подмешивая к подкисшему запаху подсобки и травяной вони, которая доносилась с задних рядов кинозала, душок дешевого алкоголя.

Недолго этот фарс казался мне работой мечты, ведь озвучивать пиратские фильмы оказалось не очень-то и весело. Сквозь узкую амбразуру окна я таращился в мутный экранчик – когда с голыми ягодицами, а когда и с оторванными головами, начитывая в микрофон тексты дурацких диалогов, отстуканные на печатной машинке через копирку. А в это время, судя по доносившимся звукам, благодарные зрители не теряли времени зря: пили и курили, трахались, несколько раз дрались между собой на фильмах с Джеки Ченом.

Заскучал я быстро, после тридцатого или сорокового сеанса.

Недолгое время меня выручал какой-то фильм с Ван Даммом, с диалогами ровно на пять страниц: три с четвертью в начале, остальные в финале. Отбубнив свое, засекал время и отправлялся окрестными дворами к бочке с пивом, и пока Жан-Клод Ван Дамм показывал на экране чудеса растяжки, я прихлебывал из трехлитровой банки и любовался дивными одноэтажными домами, которые построили пленные немецкие солдаты. Сорок минут спустя меня ждала последняя страничка текста.

Но со временем прогулки тоже наскучили, и я начал развлекаться тем, что выдумывал диалоги по ходу действия. Так немецкая студентка из эротической комедии превращалась в шпионку, и перед тем, как в очередной раз раздеться и затянуть свое бесконечное «фантастишь», обменивалась паролями и передавала секретное послание. Мои дела пошли веселее, когда удавалось разжиться по дороге на работу свежим номером «Киевских ведомостей» — я вставлял в диалоги шпионов понятные намеки на политические события в стране, зрители смеялись, продажи билетов выросли.

Но по-настоящему я развернулся на японской картине о киборге по имени Пиноккио, ибо вконец заскучал и перестал бояться возможных носителей языка среди аборигенов. В зависимости от настроения и от степени опьянения, фильм мог превратиться в криминальный боевик о якудза, в другой раз — в римейк «Последнего танго в Париже», на спор с моей тогдашней подругой.

(Помню, она корчилась от беззвучного смеха, сидя на куче разломанных кресел, но если встретите ее сейчас, ни за что не поверите, что была на такое способна).

А когда мне попал в руки сборник рассказов Уильяма Гибсона, я превратил Пиноккио в Джонни-Мнемоника. И всякий раз радовался, как ребенок.

Кинотеатр назывался «Ереван», и это был тот самый маленький кинотеатр на Чоколовском бульваре, неподалеку от общежития факультета журналистики. Я подумал, что моя история определенно лучше удалась, но не собирался ее рассказывать ни Савве, ни Мише, ни его рыжеволосой то ли подруге, то ли жене. Пусть лучше все мы разойдемся по домам с ощущением маленького чуда – кто бы мог подумать, что с каждым из нас все еще могут приключаться, пускай мелкие и нелепые, но все-таки чудеса.

Конструкторы

*Конструкторство
(см. также «Конструкция»)-
не имеющая надёжных
экспериментальных доказательств
способность мозга переда-
вать образы сновидений
другому мозгу на расстоянии.*

Википедия.

– Проснитесь! Вам пора просыпаться!

Хорошо поставленный голос, без сомнения, миловидной молодой женщины, ворвался в пространство сновидения чужеродным звуком. Меня вежливо тормозили за плечо. Разлепив глаза, я увидел позаячы улыбчивую стюардессу, и мне оставалось только улыбнуться в ответ.

Оглядевшись, я обнаружил себя в сидячем салоне скорого поезда. Как же они называются? Кажется, «ИнтерСити»? Сидение было тёплым и удобным, вагон безлюден, из динамиков доносилось едва слышное «Болеро», к большим, словно аквариумы, окнам прильнула ночь.

– Да-да, конечно, – пробормотал я. – Спасибо большое, дайте мне несколько секунд.

Стюардесса снова улыбнулась и отправилась дальше. Я протёр глаза и, перегнувшись через сидение, посмотрел ей вслед: мне нравились девушки худенькие и стройные, как Светлана. Ощувив, как по ногам заискрились

лёгкие разряды тока, я улыбнулся во весь рот и понял, что наконец-то проснулся. Мне всегда легко и быстро удавалось отряхнуть, словно прах, остатки сновидений, что продолжали клубиться туманными клочьями на периферии сознания, и ввинтиться в окружающую действительность, это было профессиональное.

Итак, я в поезде, скоростном поезде «ИнтерСити», ни чемодана, ни пальто при мне не было, как и ответа на вопрос, откуда я ехал, куда именно и для чего, в голове звенела пустота, которую я пытался прикрыть напускной бодростью. Насвистывая «Болеро», я шагнул из вагона на пустой перрон Киевского вокзала – ну что же, хоть какая-то определённости. Ночной холод пробирался под пиджак, даже поездам было холодно, от дыхания вагонов исходил пар. Подняв воротник и убрав руки поглубже в карманы, я побрёл к лестницам, что вели к конкурсу, который соединяет Южный и Центральный терминалы вокзала, прикидывая, открыты ли сейчас закусочные, где можно рискнуть согреться вокзальным кофе с коньяком.

(Скверные оба, один другого хуже, но что поделать.)

Мечтая о кофе, я распахнул стеклянные двери перехода, пересчитал всё ступеньки вверх, но тотчас же забыл, сколько, потому что вместо конкурса закусочными я вышел прямо в холл Центрального вокзала. Переход между двумя терминалами попросту исчез, как будто стёртый из моего сознания ластиком. Но этого не могло быть! Пока меня никто не заметил, я нырнул за колонну, как бросаются в воду, присел на карточки, затаился, стараясь обернуться тенью на мраморной стене. Ну что же, сказал я себе, восстанавливая дыхание, теперь понятно, почему ты проснулся в поезде без малейшего представления о том, как ты в нем очутился.

Это означало только одно: я находился внутри конструируемого сна.

Разглядывая окружающую меня конструкцию – лепнину на стенах, где каждая деталь была воссоздана со всей любовью и тщанием, шрифты газетных заметок, которые складывались в осмысленный текст, всматриваясь в лица заспанных пассажиров, что бродили вокруг, чтобы не заснуть, я одновременно и восторгался мастерству, и завидовал мастеру. Это была работа высочайшего уровня исполнения, точная имитация ночного вокзала, каким я его помнил.

Значит так, если я вижу сон, который представляет собой конструкцию, то есть управляемое извне сновидение, тогда мне нужно найти то, что мы называли ключом, а это могло быть всё, что угодно. Прикидывая, с чего начать, я разглядывал пассажиров, беспокойно спящих на своих чемоданах, и спрашивал себя: любопытно, что может видеть во сне человек, который снится другому человеку? Светлане всегда нравились такие парадоксы, но пассажиры, скорее всего, были простыми статистами, не станем тратить на них драгоценное время. Начнем с вывесок.

Я вышел из-за колонны и неспешно прошёлся по холлу. «МИЛИЦИЯ»? Это вряд ли. «ВЫХОД НА ПЕРРОН»? Не годится, я только что оттуда. Лавка с газетами и журналами закрыта, а жаль, возможно, ключ содержится в заголовках, но на всякий случай всё же пробежался взглядом по первым страницам – вроде бы, ничего интересного, только какой-то крикливо-желтый еженедельник сообщал, что известный киевский конструктор умер от сердечного приступа. Интересно, кто бы это мог быть? Я знал всех конструкторов в городе лично, но фотографию было не разглядеть, и я не стал терять времени. Кто бы ты ни был, лёгких тебе снов, брат, а я пошел дальше.

Эскалатор? Нет, здесь всё в порядке – как и полагается по ночам, сейчас эскалатор остановлен. Время прибытия поездов? Тоже ничего интересного. А кстати, откуда я приехал? Информацию о прибывающих и уходящих поездах уже успели убрать с электронного табло, я отправился к стойке с расписанием поездов поискать свой, и в этот момент, как это часто бывает в конструкциях, ключ нашёлся. Ключом являлась большая красная вывеска «СПРАВОЧНАЯ» слева от дверей, ведущих на привокзальную площадь.

А за стеклом справочной я увидел Светлану.

Она постарела, у глаз и по краям тонких губ появились незнакомые морщинки, но она оставалась такой же прекрасной, как и в день нашей первой встречи, обознаться я не мог. Светлана с едва заметной улыбкой следила за мной сквозь стекло, а я продолжал торчать у стойки, не в силах разлепить губы, жадно всматриваясь в такое знакомое, но теперь ставшее чужим лицо, и вспоминал нашу первую встречу.

Стояла поздняя осень, тёплая и бархатная – даже по ночам температура не опускалась ниже трех градусов, но тротуары уже были драпированы желтовато-красной листвой, хрустящей под ногами, словно предчувствие скорого снега. Я шёл на вечеринку, которую организовал один из первых киевских конструкторов. Это развлечение только входило в моду, и богатые тусовщики охотно платили за увлекательные сновидения, которые им конструировали такие, как я. Как будто в кино сходил, но вместо наскучившего 3D смотришь фильм, снятый в единственном экземпляре и только для тебя одного.

Сам я только-только начал осваиваться в Киеве и готовился конструировать едва ли не третий или четвертый свой сеанс на новом месте, с новыми людьми.

Тогда на весь четырехмиллионный Киев насчитывалось всего лишь четверо конструкторов, включая 13-летнюю школьницу. О том, что она умеет конструировать, узнали случайно – да и сама девочка до поры до времени не подозревала о врождённом таланте мучить кошмарами своих обидчиков в школе и нелюбимых учительниц. Она конструировала без непосредственного контакта с клиентом, на расстоянии, что поначалу казалось всем нам фантастикой. Позже я тоже смог этому научиться, но той осенью, когда я стал киевским конструктором номер пять, мы всё еще использовали датчики, крепившиеся к вискам.

Конструктор, который устраивал вечеринку, самовольно занял огромную трёхкомнатную квартиру в старинном доме на Малой Житомирской улице, в самом сердце Киева. Он установил железную дверь, подвел электричество, отремонтировал водопровод и превратил комнаты в заброшенном доме в некое подобие частного клуба. Потолки были украшены осыпающейся лепниной, остатки обоев на стенах плотно завешаны картинами и рисунками, причём попадались очень выразительные, а в гостиной хозяин поставил дорогую звуковую систему. Диджей с тонкими усиками и сложносочиненной курчавой причёской сосредоточенно извлекал звуки одновременно из двух пластинок: он сводил величественное, но в то же время ироничное «Болеро» с какими-то булькающими звуками, модными в том сезоне.

– Мавр, – картавая девушка лет шестнадцати показывала своей спутнице пластиковым стаканчиком, в котором мертвело шампанское. – Смотри, это же Мавр пластинки крутит.

Непонятно было, как они здесь оказались, кто им налил шампанского, никто не знал, как их зовут – по комнатам слонялись компании едва знакомых между

собой гостей. Поклонники новомодного развлечения распознавались среди остальных по особым причёскам с высоко выбритыми висками.

Я слишком рано пришел и теперь точно также бесцельно бродил из одной комнаты в другую, разглядывая гостей. Вокруг все усиленно выпивали, раскуривали огромные бонги, где-то по тёмным углам натужно втягивали носом воздух, приходя в себя после понюшки. Мне предстояло ночью конструировать, а значит, следовало иметь ясную голову. Я мужественно пил яблочный сок.

Компания, с которой пришла Светлана, заняла угол самой дальней комнаты, так что я не сразу заметил худенькую девушку на подлокотнике старого кресла. Она курила сигарету и смеялась – наверное, рассказывал что-то очень смешное развалившийся в кресле молодой мажор, которого я сразу же невзлюбил. Меня как-то сразу поразила её тонкогубая улыбка и ямочки на щеках, а когда девушка распрямилась, чтобы выбросить сигарету, в этот момент для меня всё окончательно сложилось – изящество её движений и жестов, нос с легкой горбинкой, бурбон, который она пила из пластикового стаканчика, звуки «Болеро» и, конечно же, то невесёлое обстоятельство, что с самого дня переезда в Киев у меня еще не было женщины.

Да, теперь я вспомнил – и снова очутился у окошечка справочной на Киевском вокзале, по-прежнему оставаясь внутри конструкции. Но кто же конструирует для меня этот сон?

Я огляделся: здание вокзала опустело, погас свет гигантских люстр, электронное табло с расписанием поездов тоже отключилось, только в дальнем углу светилась надпись, указывающая на выход, – но этот выход по-прежнему никуда меня не приводил.

– Ты решила попробовать в тот вечер конструкцию, – я продолжал вспоминать вслух, жадно всматриваясь в постаревшее лицо женщины за стойкой.

– Да, и во сне ты меня бессовестно поимел!

Светлана засмеялась и поправила прядь длинных прямых волос таким знакомым мне жестом, как будто поднимала в приветствии длинную узкую ладонь. Да, именно так я и поступил той ночью в сквоте на Малой Житомирской, когда она вызвалась опробовать новомодный аттракцион, но что поделать: я сразу же понял, как непросто привлечь внимание этой гордой красивой девушки, придётся как следует её удивить. И я, закрепив на выбритых висках датчики и осенив крестным знамением двери и окна, сконструировал очень реалистичный сон, вложил в эту конструкцию не только долгие недели воздержания, но и весь свой дар.

– Что было дальше? Я вспомнил нашу первую встречу, но дальше не помню ничего.

– То, что ты не помнишь, это нормально. Постепенно память к тебе вернётся, а я тебе помогу. Слушай, что было дальше. Ты первым додумался конструировать сны для терапии. Лечил людей сновидениями – от бессонницы, депрессий, неврозов, стрессов, даже от эпилепсии. Ты был не только первым таким конструктором, но одним из лучших. Довольно скоро ты стал много зарабатывать. Это льстило самолюбию мальчика с кучей провинциальных комплексов. Но мне всегда было с тобой интересно и хорошо.

Я замер в темноте, боясь пошевелиться. Это было очень странное ощущение: постепенно вспоминать всё то, о чем рассказывала Светлана, как будто её слова открывали замки, за которыми мои воспоминания были заперты от меня самого.

– Но ты оказался не готов, успех и серьезные деньги пришли к тебе слишком рано. Ты легко всего добивался, почти не затрачивая усилий. Это тебя и сгубило. Мне понадобились многие годы на то, чтобы обучиться конструировать. А ты просто сел на поезд, приехал в Киев – и начал конструировать так, как никто другой до тебя. Дальше дорога вела только вниз. Сначала кто-то насыпал тебе «дорожку» героина, ты понюхал, тебе понравилось. Через пару месяцев ты уже кололся каждый день.

Предпоследний замок щелкнул язычком.

– Я всегда был увлекающимся человеком, – мне оставалось только улыбнуться, несмотря на подступающий к горлу комок. Слезы? Нет, ужас.

– Мы превратились в двух уставших друг от друга людей, которые зачем-то продолжали жить в одной квартире. А однажды я пришла домой...

Светлана сделала незнакомый жест, в нем угадывалась растерянность, а я никогда раньше не видел ее растерянной. Впрочем, дальше было понятно без слов: мне вспомнился заголовок на первой странице желтого еженедельника в киоске с газетами и журналами.

– Это значит... – я всё же что-то пробормотал, нервно приглаживая наэлектризованные волосы на затылке.

– Это значит, что ты мертв. Причем уже двадцать девять лет. Если бы я не опоздала на эти пять или десять минут, то смогла бы тебя спасти. Я нашла тебя на диване в гостиной. Ты даже шприц не успел вытащить из руки.

Мне казалось, что ты и сам тогда, в наши последние дни, понимал, что всё в твоей жизни идёт не в том направлении, в котором тебе хотелось бы и дальше уверенно и бодро шагать. Отчётливо понимал, но ничего уже не мог изменить. Да, уже можно было с уверенностью сказать: «в твоей жизни», а не «в нашей». Но ведь ты не мог честно признать для самого себя, что дорога эта ведет в загробное никуда, а тем более, признаться в этом мне. Тебе всегда хотелось казаться более независимым и чуточку сильнее, чем тебя сотворила природа и обстоятельства. А я всё делала для того, чтобы ты чувствовал себя с другими и рядом со мной независимым и сильным, хотя в действительности часто увлекался и был податлив. Так что часть вины лежит и на мне тоже.

Однажды мы сидели дома и бесцельно убивали время под негромкую музыку и телевизор с выключенным звуком – он давал нам удобную возможность не замечать друг друга. Мы молчали, ты равнодушно следил из-под прикрытых век, набрякших от опиатов, за мельтешением картинок на телеэкране. И вдруг посреди тишины, когда закончилась первая сторона очередной пластинки твоего любимого Равеля, ты спросил меня (в этой комнате больше некого было спрашивать):

– Как ты думаешь, душа существует?

Я ненавидела новообетенную хрипотцу в твоём голосе, этот опиумный акцент. Героин уже крепко держал тебя за горло, и ты с трудом мог переговорить шум дождевых капель, стучавших в барабан оконных стёкол и откосов.

– Почему ты об этом спрашиваешь? – спросила я, только чтобы не молчать, разбить словами эту невыносимую тишину.

Ты пожал плечами. Даже такой привычный жест теперь стал для меня чужим, как будто кто-то другой, незнакомый и явно лишний в этой комнате, неумело старался подражать тебе.

И ты прошелестел, что вычитал у какого-то английского философа о том, что если мертвец может приходить в наши сновидения, значит, душа существует. И тогда ты спросил себя: а может ли живой человек, обученный конструировать, проникнуть в сон мертвеца? Потом ты вспомнил давний разговор с каким-то московским астрологом, полагавшим, что люди, умершие во сне, навсегда остаются в пространстве сновидений.

(Возможно, ты оценил бы шутку: недавно я наблюдала этого астролога по телевизору, он так и не успел поверить свою теорию практикой.)

И тогда ты снова спросил себя: если смерть приходит к человеку во сне, означает ли это, что какая-то часть его сознания продолжает существование?

– Похоже, что я нашел ключ к бессмертию, – улыбнувшись бледными губами, ты замолчал, закрыл на какое-то время глаза, чтобы собраться с силами, а затем тяжело поднялся с дивана, чтобы перевернуть пластинку.

Я видела, что ты с трудом держишься на ногах, но стараешься этого не показать – и сделала вид, что не замечаю.

Я выбросила этот странный разговор из головы, но после того, как ты ушел, часто возвращалась мысленно к твоим словам, перебирая их, словно костяные чётки, и понемногу они обрастали плотью понимания. Впрочем, сперва должны были пройти долгие, наполненные одиночеством месяцы, прежде чем я поняла окончательно, что тем дождливым вечером ты искал пути назад, в эту комнату, к этому дивану, к этому проигрывателю пластинок и к телевизору с выключенным звуком. Ко мне. Но чтобы вернуться, тебе для начала нужно было уйти.

Я поднял лицо навстречу её взгляду.

— Впечатляет. Ты отлично выучилась конструировать. Я сам не смог бы сделать лучше.

Светлана засмеялась, как будто бусы на её ключицах рассыпались по полу прыгучими костяными бусинами.

— Спасибо. Но согласись, какая ирония. Определенная часть сознания человека, который умирает во сне, не умирает вместе с физической оболочкой. Эта часть сознания навсегда остается в пространстве сновидений. Ты не находишь, что целую вечность видеть чужие сны – это идеальный ад для конструктора?

Я пожал плечами. Когда ты понимаешь, что мёртв, и только часть твоего, каким-то чудом уцелевшего сознания продолжает видеть сны, испытываешь умиротворение, не доступное для понимания живых.

(Либо только притворяющихся перед другими, что они ещё живы.)

Оказывается, страх смерти гораздо страшнее осознания того, что ты умер. Это осознание примиряет тебя с неизбежным, а вот страх смерти способен навсегда лишить тебя радости наслаждаться каждым новым закатом и рассветом.

– Но ты ведь смогла меня найти в этом, как ты говоришь, аду. Как это тебе удалось?

– Это долгая история.

Я усмехнулся.

– Похоже на то, что сейчас мне некуда торопиться.

– Мы были вместе только четыре года, причем последний год был не самым лучшим в нашей жизни. В моей жизни. Но когда ты умер, всё изменилось.

Светлана говорила спокойно, но ей всё же понадобилась короткая пауза.

– Я не могла заставить себя жить так же, как раньше. Чтобы найти какой-то смысл, я занялась конструированием всерьез. Много читала. Встречалась с людьми, которые могли ответить на мои вопросы. Ответов было очень мало. Но те ответы, что я получала, давали надежду. Со временем я выучилась правильно попадать в циркадные ритмы каждого человека. Я поняла, как грамотно чередовать стадии сновидений, чтобы избежать излишней нагрузки на мозг. И как сделать так, чтобы дельта-сновидения оставались в памяти пациента надолго, а не забывались сразу же, как только он выйдет из конструкции. Всё встало на свои места, когда я вспомнила твои слова, которые ты мне однажды сказал. О том, что время существует только в пространстве сна.

Я растерялся.

– Если не успел, значит, ещё скажешь, – улыбнулась Светлана. – Поэтому запоминай как следует, чтобы ничего не перепутать, когда будешь мне это говорить.

Светлана показала рукой в темноту за моей спиной. Я обернулся, и табло расписания прибытия поездов вспыхнуло сотканными из зеленых точек буквами: «ВРЕМЯ СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО В ПРОСТРАНСТВЕ СНОВИДЕНИЙ». Я поёжился, будто попал под струю холодного ветра. Хотя не мог, конечно же, ничего ощущать, ведь меня просто не было.

– Слушай дальше. Реальность – это сегодняшний момент, который мы проживаем здесь и сейчас.

Здесь бы я поспорил, но счёл за лучшее снова промолчать.

– В прошлое невозможно вернуться по той простой причине, что оно отмирает на чисто физическом уровне. Каждое слово, которое мы произносим, каждый поступок, который совершаем здесь и сейчас, каждую новую минуту и секунду навсегда застывает в прошлом. И это уже никогда нельзя изменить. А что касается будущего, то его попросту не существует. Точнее, существует бесконечное множество различных вариантов будущего, из которых нам доступно два или три. Эти два или три варианта будущего предопределяет выбор, а с ситуацией выбора мы сталкиваемся каждый день по многу раз. Каждую минуту мы выбираем свой вариант будущего, и он навсегда становится отмершим прошлым.

Светлана перевела дыхание.

– И только в пространстве сновидений будущее, настоящее и прошлое могут пересекаться в одной точке. В том пространстве, которое мы называем реальностью, это невозможно.

Мне показалось, что внутри завибрировал каждый нерв.

– То есть ты хочешь сказать, что с помощью конструкции можно путешествовать во времени? Подожди, подожди... Получается, что конструкция...

И в эту же секунду незаконченная мысль стала материальной. «КОНСТРУКЦИЯ, – засветились над головой буквы, как будто сотни крошечных светофоров давали мне зелёный свет, – ПОЗВОЛЯЕТ ПЕРЕМЕЩАТЬ СОЗНАНИЕ В ЛЮБОЙ ОТРЕЗОК ВРЕМЕНИ, В КОТОРОМ СУЩЕСТВУЕТ ФИЗИЧЕСКОЕ ТЕЛО НОСИТЕЛЯ СОЗНАНИЯ».

– Мы вместе до этого додумались, – кивнула Светлана и поправила прядь длинных прямых волос таким знакомым мне жестом, как будто поднимала в приветствии длинную узкую ладонь. – Другое дело, что для этого нам понадобилось почти тридцать лет поисков и ошибок. Зато впереди у нас целая вечность. Ты готов стать бессмертным?

– Думаю, – улыбнулся, – я уже бессмертен.

– Тогда пора просыпаться. И не забудь пожелать мне доброго утра. Это будет пароль, который позволит мне понять, что всё удалось.

Светлана хлопнула в ладони, и пространство вокруг меня свернулось в густое непроглядное желе, словно я оказался глубоко под водой, а дальше толща этой теплой воды начала стремительно выдавливать меня на поверхность. Переход от конструкции к пробуждению был мгновенным и, как это часто бывает во время быстрого перехода, болезненным – каждый, кто хотя раз в жизни дрался, знает это ощущение вибрирующей пустоты в голове, как после сильного удара.

Доброе утро?

Непослушными пальцами я соскрёб с кожи датчики, осторожно пошевелил головой и только тогда попробовал сесть. Заботливые руки усадили меня на пол, и я рискнул открыть глаза. Возвращение из конструкции всегда давалось мне легко, но сегодня показалось мучительным. Зрение восстанавливалось с трудом, вокруг молчаливо толпились люди, но лица пока еще не различались между собой, сливаясь в невыразительное пятно. Наконец-то, я понял, что нахожусь в сквоте на Малой Житомирской улице, в самой дальней его комнате, где мы обычно конструировали, чтобы танцы и музыка не мешали сосредоточиться.

Напротив, прямо на полу, скрестив длинные худые ноги, сидела девушка – кажется, ее звали Светлана, это для неё я конструировал тем вечером. Из тонко очерченного носа с легкой горбинкой вытекла струйка крови, успевшей подсохнуть, пока докатилась до подбородка. Девушку поддерживал за плечи молодой мужчина.

– Что ты наделал? – он крепко прижимал к себе Светлану – наверное, чтобы не броситься на меня с кулаками. Я пожал плечами и усмехнулся.

– Со мной всё хорошо, – Светлана отстранилась, но заботливый молодой человек всё не хотел отпускать ее плечи.

– Я же сказала, Игорь, не трогай меня! – она резко вскинула руки.

– Как скажешь, – Игорь поднялся, отряхнул колени и с недобрый выражением глаз отошел в сторону. – Друзья, дайте Светочке немного прийти в себя, и она нам всё расскажет!

Только я начал различать лица вокруг, как они всё исчезли, очень кстати сгрудившись вокруг очередной бутылки. Я поднял глаза на Светлану и увидел собственное отражение в ее зрачках. Подал платок стереть кровь, затем протянул ладонь и помог подняться с пола. Светлана нетвёрдо держалась на ногах, и мне пришлось обнять её, чтобы не сползла обратно на пол. Обернувшись, я поймал над её плечом изумленный взгляд Игоря, но мне было всё равно, а он так и не решился подойти.

– Я в норме, – едва слышно, только для меня проговорила Светлана, отстранилась, и мы вышли на балкон.

После душной комнаты сквота осенний воздух одновременно будоражил и бодрил. Солнце запускало пальцы-лучи сквозь кроны худых деревьев Малой Житомирской и нежно касалось наших лиц. Хотелось надышаться на всю оставшуюся жизнь, которая обещала быть бесконечной, и Светлана спрятала сигаретную пачку обратно в карман джинсов.

– Доброго утра, – помедлив немного, я всё же произнес пароль, и в этот момент всё стало настолько просто и ясно, что мы одновременно засмеялись – тихонько, стараясь не привлекать внимания людей в комнате.

– Доброе утро, – ответила Светлана. – Похоже на то, что у нас с тобой всё получилось.

СОДЕРЖАНИЕ

Киевская сказка.....	7
Полночный квест.....	87
18 1/2, или История кино с Леопольдом Блумом.....	91
Волшебники.....	106
Наш расёмон.....	118
Конструкторы.....	125

Літературно-художнє видання

Олексій Росовецький

Опівночний квест

Повість та оповідання

Друкується в авторській редакції

Комп'ютерна верстка – Олександра Мікрюкова

В оформленні обкладинці використано

живопис Наталії Недзведської

та світлина Павла Пащенко

Підписано до друку 24.12.2015 р. Формат 60х84/18.

Обл.-вид. арк. 15, 55. Наклад 500 примірників.

Замовлення № 2.

Видавництво «SELENA»

Свідоцтво Державного комітету телебачення

і радіомовлення України №4861, серія ДК,

від 10.03.2015 року.

01054 Киев-54, а/с 42

www.facebook.com/selenapress

selenapress.kiev@gmail.com